

Надежда Духовная

*Бугенвиллея
цвета
фуксии*

Роман в два голоса

16+

Надежда Духовная Бугенвиллея цвета фуксии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44227884

SelfPub; 2019

Аннотация

Бывшие одноклассники Таня и Славик разъезжаются после окончания учёбы по разным странам. Каждый из них теперь пытается строить карьеру и личные отношения. Казалось бы, у них нет больше шансов на общение и встречу, но всесильная судьба всегда оставляет в рукаве пару карт, чтобы вовремя выбросить их и сложить удачную партию. История о любви на расстоянии, художественном таланте и победе над трудностями судьбы глазами обоих главных героев.

Содержание

Таня	5
Славик	26
Таня	35
Славик	49
Таня	54
Славик	64
Таня	76
Славик	83
Таня	86
Славик	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Погибнет всё.
Сойдёт на нет.
И тот,
кто жизнью движет,
последний луч
над тьмой планет
из солнц последних выжжет.

И только
боль моя
острей -
стою,
огнем обвит,
на несгорающем костре
немыслимой любви.

Владимир Маяковский

Таня

Хайфа, Израиль, август 2009

Таня Кувченко и сама не знала, как могло так получиться, что её размеренная, распланированная жизнь рассыпалась на глазах, а всё, что она сама была способна сделать – только смотреть на это, широко раскрыв глаза от изумления.

Диплом худо-бедно, но писался. Уже был виден свет в конце туннеля её образования. Она переехала жить к Лёше ещё в прошлом году в сентябре, и всё выглядело довольно сносно в её глазах. Лёшина мама, приехавшая навестить сына, а заодно и познакомиться с Таней, сначала смотрела на неё как-то странно прищуриваясь и временами морщась. Но потом, кажется, смирилась с выбором своего блудного сына и даже обняла Таню на прощанье перед отъездом в Орёл.

Это была усталая, обременённая годами женщина, довольно высокая, с волосами неопределённого цвета. Лицо её часто принимало замкнутое выражение. Было видно, что жизнь не часто баловала её, и Таня не осуждала её за холодность и отчуждённость. Тем более, что видеться им приходилось очень редко.

Всё было довольно просто и понятно в её жизни, пока сегодня она не зашла в интернет и не увидела эту фотографию в Фейсбуке. Её бывший одноклассник Славик попался ей на глаза. На снимке он смотрел куда-то в сторону с задумчивым

видом человека, который не замечает, что его фотографируют. Видимо, эта фотография была выложена давно, ведь на ней он был в тёплом белом свитере, а за окном сейчас было лето, хоть и последний его кусочек. Даже в Питере, где Славик сейчас жил, вряд ли кто-то оделся бы так тепло. Значит, эта фотография была там уже давно, просто Таня, занятая своей ещё не совсем привычной, как ей ещё самой казавшейся заграничной, жизнью и новыми знакомыми, не заметила среди новостной ленты друзей этот пост.

Конечно, в Израиле, где она теперь обитала, было намного жарче, чем в знаменитом городе на Неве, но не до такой же степени, чтобы поменять местами времена года. Всё-таки они жили в одном и том же полушарии.

Что-то шевельнулось у неё в душе, и нахлынули сами собой воспоминания. Она всегда любила свою школу, свой класс. Они были удивительно дружны. Костяк их класса перешёл в школу ещё из детского садика. В старшей школе в каждом классе был староста. У них на этот пост сразу же назначили Славика Марина.

Таня очень его уважала, считала его самым умным мальчиком в классе. И не даром, ведь Славик много лет был их бессменным старостой и круглым отличником по всем предметам. Учился он всегда легко, участвовал во всех олимпиадах и постановках. И, что удивительно, при этом никогда не давил своим авторитетом, не всегда был самым заметным на вечеринках и днях рождения. Он просто был всегда самим

собой – иногда молчаливым и задумчивым, иногда рассказывающим какую-то шутку и заразительно смеющимся вместе со всеми, но не вылезая вперед и не рассчитывая на всеобщее повышенное внимание. Это был ничем особо не приметный мальчик с тёмными, практически чёрными волосами, и умными тёмными глазами. Он сильно вытянулся с возрастом, но черты его лица не очень поменялись.

Примечательно, что он никогда не участвовал в романах, которые стали возникать у них в классе с определённого возраста и время от времени затрагивали и Таню, но как-то обходили Славику стороной. Ни у одной парочки из их класса не создалось серьёзных отношений, которые пережили бы их школьную жизнь. Славик всегда стоял особняком, и никому не приходило в голову, что он тоже может встречаться с кем-то из их или параллельного класса. Все эти перешёптывания о встречающихся, мелькающих иногда на их совместных вечеринках, и первые влюблённости, распадавшиеся, не выдержав испытаний долгих летних каникул, никогда не делали главным героем их старосту. Кажется, никому вообще и в голову не приходило, что их Славик тоже может влюбиться и закидывать снегом свою очередную зазнобу на школьном дворе зимой или приносить ей жвачки на переменках и помогать нести портфель после школы, когда завистливые взгляды никем не избранных одноклассников провожают таких счастливых до ворот школы.

Таня со Славиком вместе сидели когда-то за одной пар-

той, куда их посадила прямо перед собой их классная руководительница Анна Михайловна. Таня чувствовала, что она любила их чуть больше других учеников. И поэтому, например, именно Таня со Славиком читали по ролям письма Онегина и Татьяны. Анна Михайловна преподавала русский язык и литературу. Пожалуй, она была самой любимой Таниной учительницей и классной руководительницей, в то время как предыдущие сменялись почти каждый год.

Честно говоря, Таня тогда надеялась сесть вместе с Артёмом, по которому, правда, тайно вздыхала не только она, но и другие девочки, которых было больше, чем мальчиков в их классе. Артём, как внешне, так и по характеру, был полной противоположностью высокого спокойного Славика. Он был плотным мальчиком среднего роста, в очках, и постоянно рассказывал всякие интересные истории с неожиданным концом. Схожи они были лишь тем, что, как и у Славика, у Артёма тоже были тёмные волосы и карие, живые глаза. Артём танцевал в местном кружке бальных танцев, куда как-то пришла и Таня, надеясь на общение с ним вне школьных стен, и очень удивилась, обнаружив там и других своих одноклассниц.

Вместе со Славиком Таня просидела недолго. Как-то проводя педагогический эксперимент, которыми славилась, Анна Михайловна предложила недавно пересаженным на новые места ученикам, по желанию вернуться за их прежние парты. Таня, недолго думая, села обратно на место, которое

занимала до "великого переселения народов". Дело в том, что это место находилось сразу же за Артёмом, и сидя там, она слышала все его шутки, видела его улыбающееся лицо, каждый раз, когда он оборачивался. Иногда она делала вид, что занята, и низко склонялась над тетрадкой.

Ей казалось, что Артём догадывается об её отношении к нему, и эта мысль беспокоила её. Она всматривалась в это беззаботное лицо и мучительно кусала губы. Пару раз Артём даже спросил её, над чем она так напряжённо размышляет, и Тане пришлось выдумывать какую-то отговорку.

Они жили в Ташкенте, учились в русской школе, которых становилось со временем всё меньше. Люди уезжали постоянно. Греки возвращались в Грецию, корейцы – в Корею. И все эти народы, поколениями жившие вместе, вдруг разъезжались кто куда, рискуя оказаться иммигрантами и чужаками на своей исторической родине.

"Настоящий исход из Египта!", как говорила их учительница иврита. Да, в какой-то момент Танина семья тоже решила "прикоснуться к корням", как назвал это папа, Владимир Леонидович. Сам папа был русским, но с маминой стороны бабушка Роза была еврейкой. Таким образом, Таня оказалась на четверть еврейкой, но зато "с правильной стороны", как продолжал шутить папа. Он воспринимал эти перемены довольно легко. Они с мамой вообще считали, что пережив полуголодные времена Советского Союза, а потом и его распад, смогут приспособиться к любым условиям, осо-

бенно ради детей.

Танин младший брат Антоша в общей кутерьме отъезда участвовал мало. Он заканчивал среднюю школу и музыкальную, играл на скрипке, фортепиано, гитаре. И продолжал жить в своем мире самого младшего в семье, о котором все всегда позаботятся, и поэтому беспокойства считал лишней тратой времени.

Таня очень любила разнообразие родного города. Её никуда не тянуло, но друзья со двора и приятели в школе уезжали, переезжали, исчезали постепенно из её жизни. Настал день, когда и Анна Михайловна позвала их – горстку оставшихся "стареньких" к себе домой попрощаться. Она тоже уезжала, в Россию.

После той встречи Таня вернулась домой задумчивая. Она не знала, что её ждет. С одной стороны, Анна Михайловна посеяла в душе Тани сомнения, когда после вкусного ужина и разговоров-воспоминаний, перешла с ними на серьёзный тон. Возникло обсуждение "за" и "против" отъездов. Анна Михайловна, как всегда, была мудра и терпелива. Она просто объяснила им то, что уже витало в воздухе и становилось понятным без слов – скоро их прежней жизни не будет, как не будет людей, составлявших эту жизнь.

Время покажет, что все они разъедутся по разным городам и странам и будут жить, изредка давая о себе знать в ставших модными социальных сетях и нечастых встречах на бывшей общей или любой другой нейтральной территории.

С другой стороны, ещё сильнее захотелось Тане остаться с теми, кто останется, продолжать жить так, как раньше и не задумываться о будущем слишком уж всерьёз. Узбекский язык можно выучить, культура этой страны ей знакома, ведь она выросла в ней. Сомнения снедали и заставляли размышлять на темы, которые возникали непрошенными в Таниной голове.

Таня глубоко вздохнула. Оказывается, как давно это было! А ведь её никогда не покидало ощущение, что школа закончилась совсем недавно. Таня поддерживала общение со всеми или почти со всеми своими одноклассниками, по крайней мере с теми из них, кто был ближе ей со времён школы. И Славик был первым, кто нашёл её в сети и добавил в друзья. Они переписывались время от времени, поздравляли друг друга с праздниками и днями рождения, обсуждали новости общих знакомых.

Это было здорово. Такое общение дарило ощущение близости и возможность не теряться. Ведь каждый из них теперь попал в незнакомую страну и скучал по прежней жизни. Как хорошо, что можно было вспоминать о ней время от времени и жить с осознанием того, что ты не один такой. Есть ещё на земле человек, хорошо знакомый тебе, попавший в такую же ситуацию.

Так что же шевельнулось в её душе при взгляде на эту фотографию? Таня не сразу это поняла. Наверное, всё дело было в том, что Славик был снят с того самого угла, с которого

она привыкла видеть его, сидя вместе за партой.

В классе они сидели в крайнем левом ряду. Она – ближе к проходу, а он – ближе к окну, слева от Тани. Доска висела справа, и для того, чтобы посмотреть на Славика, ей нужно было повернуть голову влево. Так он и был сфотографирован – сидящем и смотрящем на что-то справа от него, как будто читал с доски какое-то задание.

Таня вспомнила, что по пальцам можно было пересчитать разы, когда она что-то спрашивала у Славика. Он всегда казался ей таким умным, таким сообразительным, что она стеснялась показаться не такой умной и сообразительной, как он.

Вообще она не очень понимала тогда, как он к ней относился. Он всегда был очень хорошим, внимательным другом. "Мал золотник да дорог!" – как-то услышала она от него на уроке. И ей смутно показалось, что это имеет отношение к ней самой. "Наверно, он так утешает меня за то, что я невысокого роста" – подумалось ей тогда.

Но что же скрывалось за его добрым внимательным взглядом? За его желанием помочь, когда они оставались дежурными и должны были вместе убираться в классе? За его внезапным молчанием посреди разговора?

Славикина мама подошла к Тане поговорить после той истории с пересаживаниями. Пытаясь поймать Танин виноватый взгляд, она прямо спросила, почему же та отсела от Славика. Таня не нашлась, что ответить тогда.

А теперь она задумалась. И правда, почему? Артём сидел от неё справа на одну парту назад, так было даже удобнее – можно было бы в любое время обернуться и посмотреть на него.

Щелкнул замок входной двери, и Таня поспешно закрыла крышку ноутбука. Это был даже не ноутбук, а маленький нетбук, который она купила, когда нужно было проводить эксперименты для дипломной работы. Он был чёрный, практически плоский и захлопывался матовой чёрной крышкой.

Лёша вернулся домой. Быстрым размашистым шагом он сразу же прошёл в салон, где сидела Таня. Лёша всегда так ходил. Он вообще не любил терять времени даром. Он вошёл, и как-то сразу стало напряженно, пусто и в то же время одиноко. Как будто все Танины мысли разбежались по углам и вжались в стенки комнаты.

Вообще у них было три комнаты в этой съёмной квартире. И Таня хотела бы, чтобы это были отдельные зоны для каждого: одна комната для неё, другая для Лёши, а третья – общая, салон. Но он сразу же стал возмущаться, что они будут спать отдельно, и пришлось согласиться на другое разделение жизненного пространства – кабинет, совместную спальню и салон. И было это не очень удобно, потому что для того, чтобы поговорить в скайпе, приходилось вставать и уходить в салон. Книжку на ночь в кровати тоже нельзя было считать – Лёше мешал свет.

Таня и сейчас сидела в салоне на диване с ноутбуком. За-

хлопнула крышку и так и осталась сидеть. Потом она всё же поспешно встала и осталась стоять на расстоянии в полшага до Лёши. Потом опустилась обратно на диван.

Почему-то при каждом Лёшином появлении ей казалось, что она должна бросать все свои дела и заниматься им. Пришел с работы – греть обед, проснулся – накрывать на стол завтракать. Вроде ведь так это всё и должно быть, но было какое-то неестественное напряжение в этих поспешных действиях, которые её саму раздражали и не добавляли теплоты в их отношения.

Но сегодня всё было по-другому. Та внезапно появившаяся мысль не давала Тане покоя. "А что если?.." – думала она. Что было бы с ней, если бы она не уехала так поспешно из родного города? Что бы произошло, встретиться она напоследок со своими одноклассниками? Некоторых она и правда встречала случайно перед отъездом. Некоторых, но не всех. Со Славиком, правда, она общалась чуть дольше и, конечно, с Женей – своей школьной подругой. С ними она виделась вплоть до самого отъезда. Правда, Славику она позвонила где-то за неделю. Он предложил прийти помочь с вещами, но ей было неудобно. Она отказалась, и что-то недосказанное повисло тогда в воздухе. Может, именно с таким задумчивым выражением, как на той фотографии, Славик сидел в тот день дома?

Лёша тоже уловил на её лице оживление, которое породили эти новые мысли. Он сразу же заметил, что этим вече-

ром Танино внимание не полностью уделяется ему. А так не должно было быть.

– И что ты всё прыгаешь сегодня? – поморщившись поинтересовался он.

И добавил:

– А я вот принёс тебе кое-что.

«Принёс кое-что» – это наверняка заслуживало внимания. Лёша редко что-то дарил Тане без повода. Он и так считал, что содержит её. Правда, это было не совсем верно. Таня хотела устроиться на работу в переводческую контору, когда поняла, что учёба подходит к концу.

Вместе с Лёшей они приехали на встречу с директором. Как помнится Тане, на ней тогда была белая юбка до колен и розовая блузка без рукавов – приближалось лето. Таня все равно захватила с собой лёгкий прозрачный шарф с бабочками на случай если будет прохладно в офисе. Она уже знала, что местный народ обожает холод и включает кондиционер ещё до наступления лета на низкую температуру.

Шарф не пригодился. В помещении было тепло. Директор встретил их на пороге своего кабинета и протянул Лёше руку. Лёша был серьёзен. Лицо его было, как всегда, непроницаемо.

– Минимальная зарплата, говорите? – усмехнулся он краешком рта, и Таня забеспокоилась.

Она уже рассказала директору, что знает русский, английский, подтягивает иврит, со словарём переводит с испанско-

го и французского, и может даже помочь с переводом документов с узбекского языка. Она пока не может работать на полную ставку, так как ей осталось ещё доучиться, но будет приходить на полных четыре дня. Она может предложить свои услуги корректора русского языка. Её особенно интересовали переводы художественной литературы – ведь это всё равно что написать заново книжку, заранее зная сюжет!

Директор взглянул на Лёшу с любопытством:

– Видите ли, Татьяна, конечно, обладает обширными знаниями языков, но у неё пока нет опыта в переводческой сфере, – начал он.

– Большое спасибо, – кратко ответил Лёша и встал.

Таня тоже встала, сама не зная зачем, и схватила свой шарф. В мыслях она уже представляла, как будет приходить сюда по утрам пешком – контора находилась в четверти часа ходьбы от дома.

Они вышли на улицу. Таня всё ещё крутила в руках свой шарф. Разноцветные бабочки – синяя, зелёная, оранжевая – мелькали перед ней.

– Я не позволю, чтобы ты получала минимальную зарплату! – глухо сказал Лёша, не глядя на неё.

Таня едва поспевала за ним – так поспешно он удалялся от неё.

– Но мне совсем не нужно много денег, ведь ты так хорошо зарабатываешь, – говорила она. – И потом, это же только для начала.

– Не важно, ты найдешь работу получше.

Таня сомневалась в этом судя по количеству объявлений, хоть как-то связанных с её специальностью. Она вздыхала каждый раз, просматривая коротенькую ленту объявлений о трудоустройстве в Хайфе. В центре было намного больше предложений. И ей ближе было бы ездить в университет. Но Лёша был непреклонен. Он не намеревался тратить на дорогу от дома до работы больше чем полчаса. А работал он как раз в Хайфе.

Прямо на въезде в город, у железнодорожной станции Хоф а-Кармель расположился целый городок хайтека Матам со зданиями самых знаменитых компаний мира, таких как Интел и Майкрософт, не считая большого количества местных фирм. Лёша был программистом. Место, где он работал, было, конечно, не так знаменито, как мировые гиганты, расположившиеся по соседству, но зарплата и условия работы были на хорошем уровне.

Итак, намерение начать работать так и осталось не осуществлённым. При этом Таня догадывалась, что Лёша не одобряет того факта, что у неё нет стабильного дохода. Она подрабатывала случайными переводами и частными уроками, но это было не то. Ей хотелось быть более самостоятельной и самодостаточной.

Она приобретала одежду по скидкам, не позволяла себе покупать еду на улице, а вместо этого возила с собой бутерброды в университет. Лёша же одевался в хороших магази-

нах качественной одежды и не отказывал себе ни в чём. Вот и сейчас, как только вошёл, он поставил на стол коробку с новеньким ноутбуком.

– Сама не знаю, всякие мысли приходят мне в голову, – медленно проговорила Таня, отводя взгляд от этой коробки.

– Какие же например?

– Да ерунда, наверно.

Таня решила, что сейчас не время для таких разговоров. Тем более, что сама ещё во всём не разобралась. Какие-то новые чувства волной охватывали её. Новые и в то же время неуловимо знакомые, как будто она вспоминала что-то, и эти чувства возвращались к ней исподволь, следуя за старыми воспоминаниями. Так как при этих словах Лёша вопрошительно посмотрел на неё, Таня все же решилась открыться и сказала:

– Думаю, как могла бы пойти моя жизнь, если бы обстоятельства сложились по-другому.

– Какие обстоятельства? Не так-то просто поменять свою судьбу.

Он опёрся спиной о косяк и сложил руки, готовясь, кажется, выслушать её. Может, этот разговор и правда был ему интересен? Лёша посмотрел на неё как-то странно, как будто только что задумался о её словах всерьёз, и сказал:

– Ты же не можешь быть кем-то ещё.

– Это я понимаю, дело не в этом. Наоборот, я хочу быть собой.

– Какой? Маленькой и некрасивой? – он криво улыбнулся при этих словах и покачал головой.

Эта его фраза сразу же остановила все её мысли, и Таня застыла глядя на него.

– Так вот как, значит, ты обо мне думаешь?

– Не обижайся, Таня. Ведь не всем красавицами быть! Это было бы даже неинтересно. К тому же, ведь именно такой ты мне и нравишься!

– Маленькой и некрасивой? – медленно повторила Таня.

Казалось, она не могла поверить в то, что правильно услышала и поняла его слова.

– Ну, не в этом счастье! – сказал Лёша поспешно, видимо, начиная понимать по Таниному лицу, что, возможно, сказал что-то не то.

Вдруг может так случиться, что в этот раз ему не сойдут просто так с рук его колкости.

– Да я вот сам... – неуверенно начал он.

– Да, верно, и ты не Аполлон!

Так начинался этот разговор, который позже перерос в ссору. И хотя Лёша приходил потом мириться, он не мог уже ничего изменить. Даже купленный ноутбук не повлиял на ситуацию. Изначально Лёша хотел взять новый компьютер себе, а старый отдать Тане, но сейчас он был готов довольствоваться своим старым, а новый предложить ей. Она же всё равно откажется! Она знает, что ему компьютер нужней. Зато это будет хороший повод помириться.

Но Таня никак не отреагировала на предложение, которое раньше оценила бы по достоинству. Она сидела в тёмном салоне с ногами на диване и думала, даже уже и не о Лёше, а о чём-то более важном. Или о ком-то?

Как всегда, внезапно стемнело, как будто нажали на кнопку и выключили свет. В Израиле вообще не бывает сумерек. И это волшебное время дня, которое так любила Таня, когда жила в Ташкенте, теперь отсутствовало в её жизни.

Она вспомнила, как там должно было быть сейчас. Летом до наступления темноты свет постепенно становился мягким, растушёвывая контуры предметов и силуэты людей. Начинала спадать жара. Можно было выйти на улицу и сидеть долго, никуда не торопясь.

Весной же в сумерки воздух приобретал невообразимый, розовый свет, и всё было освещено этим светом, как будто голубой купол неба меняли на розовый абажур. Этот воздух пах сиренью, вишней, акацией. Идёшь вдоль дворов – и всё цветёт. Лепестки опадают и стелются вдоль дороги белым ковром с самыми разнообразными оттенками – жёлтым с персиковых деревьев, розовым – с вишнёвых.

Зимой сумерки приобретали синий морозный цвет. Он сгущался, и рано темнело. На улицах зажигались фонари, и когда начинал идти снег, то город превращался в настоящую зимнюю сказку. Снег оседал на лапах елей и покрывал всё вокруг пушистыми белыми шапками.

Осенью свет сумерек казался золотистым от рассыпанной

повсюду опавшей листвы. Малыши собирали из листьев букеты, подбирая красные, оранжевые и жёлтые цвета.

Таня вздохнула и ушла на кухню. Лёше в этот вечер пришлось остаться без её привычного внимания. Невидимый механизм судьбы был запущен. Неведомая, новая жизнь закрутила ими, расставляя всё по своим местам.

В тот вечер перед сном Таня непривычно долго смотрелась в зеркало. И правда, какая она? Никогда ещё эта мысль так не волновала её. Она видела своё лицо с задумчивыми глазами. Мама всегда говорила, что у неё с самого детства были эти не по возрасту пытливые глаза. Конечно, не красавица. Однако, и Леша мог бы показаться кому-то несимпатичным и нелюдимым.

Уже даже когда они близко общались, она часто ловила на себе его холодный, незнакомый взгляд. Особенно часто она натыкалась на него, когда чувствовала, что он смотрит ей в спину, и действительно, оборачиваясь, находила Лёшу, смотрящим на неё исподлобья в упор, как будто он что-то взвешивал в уме.

Но в хорошей компании друзей он оживлялся и становился совсем другим. Таким он ей и понравился. Она вспомнила, как впервые поймала себя на мысли, что он интересен ей, именно когда он что-то энергично рассказывал.

Но любила ли она его? И что значит, любить? Когда-то услышав выражение, что отношения – это работа, она поверила в то, что всю себя без остатка нужно отдавать тому дру-

гому, кто вошёл в твою жизнь. Так и начинались эти отношения с Лёшей – трудные, полные эмоций и напряжения. Женя же, Танина школьная подруга, вышедшая замуж сразу же после техникума, когда они с ней обсуждали этот вопрос, безапелляционно утверждала, что в браке должно быть удобно.

Много новых, непривычных мыслей роилось у Тани в голове в тот день. Ей было о чём подумать.

На следующее утро, дождавшись, когда Лёша ушел на работу, Таня собрала вещи и переехала к Лизе.

Лёша приходил вечером и пытался с ней поговорить, вернее, пытался убедить Лизу позвать Таню. Но та не показывалась. Она как бы отгородилась от своей недавней жизни плотным кольцом Лизиной заботы.

Лиза Гольц была с Таней и Лёшей на программе изучения языка. Она приехала в страну без родителей. Но это не мешало ей успешно адаптироваться и помогать в этом Тане. Может, сказывалась разница в возрасте – Лиза была старше на пять лет – но что-то снисходительно-милое было в том, как Лиза на неё смотрела. Так старшая сестра пытается понять и принять поступки своей младшей сестры, оставленной на её попечение родителями.

И теперь Лиза, ни слова не сказав, помогла Тане перебраться к себе. И хоть в Лизиной съёмной квартире было всего две комнаты, Таня устроилась в салоне, а немногочисленные Танины одёжки перекочевали из сумок и пакетов в

Лизин выдавший виды шкаф. Они вместе перебирали эти вещи, и Лиза была внимательна и заботлива, как никогда.

Даже Ленни не особо возражал против Таниного переезда, хотя никогда не отличался особым гостеприимством. Ленни был Лизиным рыжим котом, и они обе – Таня и Лиза – сходились во мнении, что никакой другой кот не мог сравниться с Ленни рыжестью и замечательностью. Он умел дать почувствовать свою значимость, гордо возлегая на Лизиних коленях, прищурившись и изредка взглядывая на гостей светлыми, почти серыми глазами с зеленцой.

Вот и теперь, когда суматоха переезда была позади, Таня с Лизой устроились на Лизиной кухоньке, чтобы Таня могла за чашкой чая объяснить всё наконец-то и рассказать в подробностях о ссоре.

– Так и сказал, что ты маленькая и некрасивая? – не веря своим ушам и поднимая вопросительно брови, повторила Лиза, одной рукой глядя рыжую шёрстку Ленни, а другой ставя чашку чая на стол.

Таня подозревала, что Лёша никогда не пользовался авторитетом у Лизы, хотя та ни разу не сказала ни слова, слушая Танины рассказы об их отношениях. Она только иногда поднимала брови, как бы удивляясь чему-то, как, например, тому рассказу о том, как Таня с Лёшей были в магазине и уже стояли на кассе, как новенькая рыжая кассирша стала улыбаться Лёше, проводя шоколад, и он вдруг предложил купить и ей плитку.

Несколько раз потом попадая в этот магазин без Лёши, Таня встречала эту кассиршу, и беспокойная мысль заставляла её останавливаться и наблюдать за этой девушкой, как будто бы её поведение о чём-то могло рассказать. Таня гнала от себя мысль о возможной измене, тем более что Лёша всегда сам заявлял, что никогда не пользовался успехом у дам. При этом он невесело усмехался.

Вне зависимости от того, последовало ли за этим какое-либо продолжение или нет, что было абсолютно неизвестно Тане, это была очень неприятная история, и вспоминая её, Тане казалось, что уже тогда не всё ладно было в их отношениях. Тот случай скоро забылся, но Таня никогда не забудет, как Лиза смотрела и поднимала брови, видимо, создав обо всём своё собственное мнение.

А вечером следующего после переезда дня они пошли гулять. Ленни недовольно наблюдал, как Лиза натягивает джинсы, и понял, что этот вечер она проведёт не с ним. Он ещё попытался бороться с судьбой – в отчаянии прыгнул на Лизину футболку. Но Лиза посмотрела на него с укоризной – "Тане нужно помогать, она наша гостья, и ей сейчас тяжело", – означал этот взгляд. Пришлось смириться. Ленни ещё немного постучал хвостом по покрывалу кровати, выражая неодобрение, и гордо удалился на балкон.

Море сегодня было шумное. Волны бились о берег и норовили намочить кроссовки. Народу попадалось очень мало по пути. Таня с Лизой тихонько брели вдоль берега. Мно-

гое произошло за эти дни, и произошло неожиданно, быстро, как будто кто-то торопливо перевернул страницу книги, которую они вместе читали. Теперь приходилось спешно вспоминать недавние события, чтобы осознать, что же именно произошло, и что несут с собой эти перемены.

– Ты что же, и разговаривать с ним больше не будешь? – наконец спросила Лиза.

Она повернула голову к Тане, и ветер, отбрасывающий её волосы назад, теперь спешно перекинул их прямо на лицо. Лизе пришлось заложить пряди за уши.

– Почему же, поговорить надо, – нехотя ответила Таня, беря её под руку и глядя вверх на вечеряющее серое небо. – Мы взрослые люди, вполне можем всё обсудить. Только это ничего не изменит. У нас слишком разные представления о жизни вообще и об отношениях в частности.

Таня понимала, что Лиза жила совсем другой жизнью – более спокойной и размеренной. Иногда их ритмы не совпадали, но были моменты, как этот, например, когда они шли вместе рука об руку, понимая друг друга без слов.

Славик

Санкт-Петербург, Россия, август 2009

Славик задумчиво сидел за компьютером, пролистывая новостной портал, а затем и ленту друзей в Фейсбуке. Таня мелькнула сбоку в ленте среди друзей на сайте. Странно, что он ещё обращает на это внимание. Наверно, потому что он редко видел её там в последнее время. Он был очень занят. Он только что поступил на неполную ставку в очень интересное место. Там нужен маркетолог на студенческую должность для помощника начальника отдела по рекламе и его команды. Работа была очень интересная. Славик сразу же окунулся в новую обстановку. Это было здорово. В универе оставалось только написать диплом. Он закончил университет экономики ещё в Ташкенте. И в Питере доделывал уже вторую степень, специалиста, как это называлось здесь.

Они переехали в Питер два года тому назад. Папа с мамой всегда хотели вернуться в Россию, откуда оба были родом. Славик тоже понимал, что его будущее там. Все уезжали из Ташкента. Даже его друзья-узбеки стремились на заработки в Казахстан, Россию, Дубай.

Много одноклассников и знакомых по универу в Ташкенте осело в Москве. Славик уже пару раз ездил туда и останавливался у Артёма, который уехал одним из первых сразу же после окончания школы. У них собиралась неплохая ком-

пания. В Подмоскowie жила и Анна Михайловна – их классная руководительница в старших классах. Поэтому каждая поездка в Москву была интересным событием, когда можно было увидеть столько знакомых с детства лиц, со всеми побеседовать и ощутить принадлежность к этому братству уехавших оттуда сюда.

Школа всегда вспоминалась тепло. В своём классе Славик был старостой с пятого по последний класс, чем его родители очень гордились. Славик вообще всегда хорошо учился, схватывал всё на лету. Со всеми одноклассниками он всегда оставался в хороших отношениях. Жизнь текла легко и безоблачно. Сейчас он уже и сам не мог бы сказать точно, когда всё начало меняться. Наверно, в седьмом классе, когда они вернулись с каникул немного повзрослевшими, особенно девочки.

Славик всегда сидел за первой партой. Вот и в то памятное утро он сидел на своём месте, развернувшись назад и болтая с ребятами, как в класс вошла Таня, улыбнулась им всем и села в параллельном ряду на две парты назад. Таня всегда ему нравилась. Она всем помогала, была смелой, независимой девочкой. Они были вместе ещё с садика.

Но эту Таню он не знал. Вернее знал, но мало. Она очень сильно напоминала прежнюю Таню, до каникул. И в то же время неуловимо отличалась от неё. Эта новая Таня так же заразительно смеялась. Но улыбка её стала более женственной, движения более мягкими. Как замороженный, Славик

смотрел на неё, не веря этой перемене в ней и в себе самом. Она всё так же смотрела на него, когда они здоровались с утра. Но Славик всё чаще ловил себя на том, что замирает, глядя в её лицо. Это было удивительно – всё что происходило с ним. И он почему-то боялся, что Таня это заметит.

Именно в седьмом классе начались первые ухаживания, встречи, походы на дискотеку. И именно в седьмом классе Анна Михайловна вдруг вздумала всех пересадить, хотя они сидели так уже много лет. И вот Таня оказалась с ним за одной партой в крайнем левом ряду. Он сначала не верил своему счастью. Ведь теперь не надо оборачиваться, чтобы увидеть её. Она сидела справа от него. И, глядя на доску, которая тоже висела справа, он видел её профиль, и не мог наглядеться. Делая вид, что читает задание с доски, Славик смотрел на Таню.

Они всегда много общались. Теперь он только боялся, что она всё поймёт, повернувшись к нему и ненароком поймав его взгляд. Мама, конечно же, всё понимала. Таня нравилась ей ещё с детства. Иногда ему казалось, что и Анна Михайловна тоже обо всём догадывается, особенно, когда она поручила именно им читать вслух письма Онегина и Татьяны на уроке литературы.

Славик не мог оставаться равнодушным, когда встречал в тексте Танино имя. Он негодовал на главного героя, ветреного повесу пушкинских времен, и не мог взять в толк, как мог этот фронт не обратить внимания на такую девушку, как

Татьяна, которая ему самому казалась вылитой Таней, такой она была смелой, умной и независимой. Славик настолько отождествлял с Таней пушкинскую героиню, что недоумевал, как Онегину она могла не нравиться. Ведь вот она – сидит рядом с ним, такая милая и знакомая, такая интересная, такая умная и честная. "И поделом ему!" – думал Славик, читая письмо Онегина к Татьяне, где тот рассказывает, что вовремя не заметил её достоинств, и умоляет её о любви.

Пожалуй, не стоит даже упоминать, с каким чувством читал Славик это письмо в классе вслух. "Нет, поминутно видеть Вас, Повсюду следовать за Вами.." – низко склонившись над книжкой, читал Славик, боясь, что голос его предательски сорвется и выдаст то, что творится в его сердце, когда он произносит эти слова. Он чувствовал, будто сам написал их, и в то же время понимал, что не мог бы так красиво выразить всё, что было у него в душе.

Он не мог бы точно сказать, когда случилось другое событие, непоправимое, – кажется, несколько месяцев спустя, – вдруг Анна Михайловна объявила, что все пересаженные ученики могут вернуться на свои места, если им этого хочется. И Таня встала со своего места, улыбнулась ему и пересела обратно!

Это был очень тяжёлый период в жизни Славика. Он не мог понять причину её поступка. А когда дома рассказал обо всем маме, та решила поговорить с Таней. Он не знал точного содержания их разговора. Потом мама лишь сказала, что

толком выяснить ничего не удалось.

Это было так необъяснимо, так странно! Неужели он обидел её чем-то неосторожно? Неужели ей так не хотелось сидеть рядом с ним, что она только и ждала, когда бы уйти? Они продолжали всё так же общаться. Инцидент, казалось бы, был исчерпан, но он оставил глубокий след в его душе.

Потом было много всего. Они вместе выступали на школьных концертах, участвовали в разных конкурсах и постановках. И везде он искал её взглядом, всё ему было интересно, что имело отношение к ней.

Но как-то быстро закончилось время, отведённое им на школу. Был выпускной вечер, который они справляли на дискотеке. Когда объявили медленный танец, Славик пригласил Таню танцевать. Он давно уже это задумал, давно об этом мечтал. Это был одновременно чудный, волшебный и в то же время грустный вечер, потому что они расставались.

Славик никак не мог решиться взять Танин номер телефона. Да и взяв его, он не представлял, как решится ей позвонить и пригласить куда-нибудь. Ни одна девочка никогда не нравилась ему так, как она, но он отчётливо понимал, что если она узнает о его чувствах, уже не сможет оставаться по-прежнему ничего – ни их шутки, ни их свободное общение.

Славик вообще был довольно скрытен во всем, что касалось чувств и эмоций – такая полезная черта, которую ценили в нём друзья, она же теперь оборачивалась для него страданием.

Когда они танцевали, он наклонялся к Тане, чтобы вдохнуть запах её волос, прочесть выражение её лица, пока они медленно двигались под песню, как сейчас помнится, Агютина "Всё в твоих руках". Если бы он был немного смелее, то сказал бы ей, что готов на всё, что угодно, лишь бы только не теряться в наступающей взрослой жизни, продолжать встречаться и общаться. И это было бы очень естественно и ожидаемо. Все знали, что они дружили. Но словно чья-то железная рука зажала ему рот, сковала язык, и вот он только и может, что смотреть на неё сверху вниз и дышать украдкой глужбе, чтобы успокоиться.

Песня закончилась. Всё также в молчании они смотрели друг на друга. Только в этот раз Таня более внимательно вглядывалась в его лицо. "Неужели она догадалась? – промелькнуло в голове у Славика. – Что же теперь делать? Ведь она точно не любит меня. Неужели теперь мы не сможем общаться, как раньше?"

В миг всё внутри у него похолодело. Но, кажется, Таня ни о чём не догадалась. И Славик с облегчением вздохнул.

Потом было поступление в университет. Славик всё-таки собрался с духом. Подкараулив Таню на улице, он как бы случайно столкнулся с ней и попросил её номер телефона. Они ещё пару раз встречались, затем готовились вместе к вступительным экзаменам.

Славикина мама Валентина Васильевна была очень внимательна к Тане, когда та приходила к ним. Она приглашала

её на выходные на дачу. Как-то они даже ездили все вместе, две семьи. С утра ходили на подёрнутое дымкой тумана озеро, потом собирали шиповник во дворе. Выходные пролетели незаметно.

Потом был Славикин день рождения. Было не так много гостей – только несколько человек из их теперь уже бывшего класса и Славикины друзья со двора.

Потом несколько раз Таня приходила к нему заниматься английским. Это был общий для них предмет на поступление. Они учились вместе на диване на балконе, потом ужинали с родителями Славика, когда папа возвращался с работы домой.

И всегда получалось так, что они на какое-то время оставались вдвоём. Славик сгорал от желания всё Тане рассказать. Доходило до смешного. Он уже открывал было рот, чтобы выпалить всё, что готовил накануне, но слова не шли с языка. Таня внимательно всматривалась в его лицо, ожидая, что он хочет ей сказать, а Славик мучительно страдал и переводил разговор в другое русло.

Славик помнит отчётливо один такой вечер. Это было осенью, когда учёба уже началась. Позади были переживания вступительных экзаменов и радость поступления. Теперь всё время уходило на учёбу. Но вот Таня зашла отдать какие-то его учебники и забрать свои – те самые, по которым они готовились к английскому. Темнело рано, и тетя Валя отправила Славика проводить Таню.

Они шли вдвоём по осенней улице, наполненной сыростью после дождя. Уже становилось прохладно, и долго было не постоять перед подъездом болтая, как раньше. Именно в этот вечер Таня сказала, что её родители решили ехать в Израиль. И как будто что-то ухнуло, оборвалось у него внутри. Конечно, все вокруг уезжали, но Славик почему-то никогда не представлял в их числе Таню. Наверное, потому, что это было слишком печально – печальнее, чем окончание школы, чем то, что она когда-то отсела от него.

И что-то сильно изменилось после этого. Конечно, они оба были очень заняты. Они стали видаться намного реже ещё и потому, что поступили в разные ВУЗы – Славик пошёл учить экономику, а Таня – лингвистику.

Отъезд был назначен после окончания учебы. Все ближе надвигался этот день. Славик ходил мрачный и не мог придумать, как сказать Тане обо всём. Да и надо ли говорить? Она уезжает навсегда из их родного города. Может быть, они вообще больше не встретятся никогда.

Они обещали друг другу писать. И так и получилось. Но переписка эта становилась всё короче. Всё меньше оставалось событий, которые бы связывали их. К тому же, Славик не мог написать всего, что хотел, а новостей особо не было. Спустя два года после окончания учёбы, Славик с родителями переехал в Санкт-Петербург.

И вот не прошло и года, как Таня стала выкладывать фотки с разных мест той новой страны, где она теперь жила. То

она была сфотографирована с мамой, то с подружками, а то в большой компании одноклассников. Таня писала Славику, что они вместе учили язык. Но вот всё чаще стали попадаться фотографии Тани вдвоём с каким-то парнем. И Славик понял, что опоздал.

Какой-то Лёша, который выглядел на снимках не очень приветливо, то держал Таню за руку, то обнимал за плечи, и Славик всё реже писал ей, понимая, что если и было какое-то место в Таниной душе для него, то теперь оно просто будет занято другим. Тот счастливый другой имеет возможность видеть её часто, говорить с ней, именно ему она теперь рассказывает свои мысли, делится своими планами.

И тогда он смирился. Он с головой ушёл в учёбу, а потом и в работу. У него появились друзья в новом городе. Иногда он общался и с бывшими одноклассниками, и Таня всё реже стала занимать его мысли. Только иногда он ещё по привычке хмурился, видя эти фотографии, где Таня дарила свою улыбку какому-то незнакомому сопернику. А потом он уже перестал воспринимать так остро это событие.

Таня

Не сразу, но Таня решилась написать Славику.

"Привет! Как поживаешь? Бываешь ещё в Ташкенте? Я знаю, что давно не писала. Тут просто сразу всё так закрутилось..."

Ответ на удивление пришёл очень быстро. Слава современным технологиям и соцсетям!

"Привет. У меня всё хорошо. Спасибо. Я занят в основном на работе, дома, а так всё по-прежнему."

И Тане показалось, что этот сухой, краткий ответ, не предполагающий дальнейшего общения, как будто подтверждал её мысли о том, что она и правда, не вовремя. Дотянулась через полжизни в такую даль, но другой человек в этом не заинтересован. И чему тут удивляться, рассуждала Таня. Он наверняка давно уже и думать забыл об их школьном детстве, о самой Тане и сопутствующих этому всему воспоминаниях. Они ещё вежливо обсудили, кто чем занят, как идет учёба.

Скоро начинается новый семестр, за ним экзамены, а там и зимние каникулы недалеко. Таня спросила Славика, ездит ли он летом в Ташкент. И получила ответ о том, что родители Славика уже давно продали квартиру. Да и все разъехались. Много знакомых уехало в Россию, так что встречаются они, в основном, в Москве.

Это было так непохоже на их прежнее общение. Всё-таки они переписывались иногда. Поздравляли друг друга с днём рождения. Помнится, слали друг другу открытки. Таня зашла в почту. Да вот и открытка от Славика. И тут она поняла, что так и не открыла её никогда. Вот и приглашение от него на LinkedIn висит. Что же произошло? Ведь Таня всегда старалась не терять связи с прежними знакомыми. Она проверила даты. Да, все верно, именно тогда она встретила Лёшу.

Как быстро всё развивалось! Как радовалась она, что больше не одна. Лёша стал занимать всё её время. Иногда этого времени даже не оставалось, чтобы остановиться и подумать, куда она бежит. Всё реже она выходила прогуляться к морю с Лизой, уже не ездила в гости к бывшим своим одноклассникам с программы по изучению иврита.

Лёша поглощал всё её внимание: помочь ему с английским, встретиться с его коллегами на корпоративе, сходить с ним к его дяде. Как будто Таня жила всё это время не своей, а чьей-то другой жизнью. Но ведь она так и хотела, чтобы всё делать вместе. Так сильно хотела, что это «вместе» постоянно съезжало только на одну сторону. Она совсем забывала о своих интересах, встречалась реже со своими друзьями. Как будто откладывала на потом свою жизнь. Даже к родителям стала наведываться не каждую неделю, в основном звоня им по скайпу.

А тут вдруг глаза открылись! Как много Таня пропустила

в своей жизни и жизни своих друзей. Ей захотелось обо всём расспросить Славика – как его родители, чем они заняты, почему они выбрали именно Питер – так много волнующих вопросов!

И Славик стал постепенно отвечать. Недели две они переписывались практически каждый день, а потом он вдруг позвонил. Это было немного неожиданно, но очень приятно. Это было так, как будто он наконец-то поверил, что он тоже ей интересен и нужен, что ей важно знать, что у него всё хорошо.

Так же неожиданно во время этого разговора Славик пригласил Таню приехать к нему в гости. Она подумала, что это просто такой вежливый реверанс с его стороны. И он, похоже, понял её сомнения, потому что повторил, что на полном серьёзе приглашает её к себе. Родители будут очень рады, ведь они её очень любят.

– А ты? – вдруг спросила Таня.

– Я тоже буду рад, – всего лишь на одну секунду запнувшись, ровным голосом ответил Славик.

И тут только она заметила неловкость своего вопроса.

Было так здорово разговаривать с ним снова, слушая его спокойный, немного тягучий низкий голос. Боже, как давно она его не слышала! Она так привыкла к тому, что Славик был неотъемлемой частью её прежней жизни, что никогда не верила всерьёз, что они перестанут общаться. А Славик, кажется, воспринимал это иначе. Ей показалось, что он толь-

ко сейчас заново начинает верить ей. Неужели он принял за предательство её недавнее долгое молчание? Походило на то, что она чуть не потеряла настоящего друга в погоне за сомнительным личным счастьем.

И как не похоже было их общение на её общение с Лёшей. С ним, ей казалось, всегда нужно было привлекать к себе внимание, всегда доказывать, что она может быть ему интересна. Какой бессмысленный нелепый труд! И всё равно самой себе она казалась не убедительной и не искренней. Может, потому, что видела себя его глазами?

Со Славиком она чувствовала, что он не просто слушает её, но и задумывается над её словами, искренне интересуется каждой сказанной ею фразой.

И так получилось само собой, что Таня согласилась поехать в Питер. Они стали обговаривать детали – как и когда лучше прилететь. Договорились на середину октября.

– Ох, так это ещё три недели! – сказал Славик.

Таня засмеялась и поняла, что это снова прежний Славик, который всем делился с ней и, она знала, сама могла ему рассказать обо всём.

Во время этого разговора вернулась с работы Лиза. Она работала в детском саду и параллельно училась на воспитательницу в местном колледже. Они с Серёжей, её "кавалером", как называли его Лизины родители, хотели открыть свой детский сад.

Войдя, Лиза застала такую картину: сидя с ногами по-ту-

репки на диване, Таня смеялась, разговаривая по телефону и отбрасывая свободной рукой волосы за спину.

Лиза тихо сняла кроссовки, и по тому, как она не сразу прошла к себе в комнату, а остановилась у зеркала, убирая светлые пряди за уши, Таня поняла, что она поймала обрывки её разговора со Славиком. В зеркале мелькнул Лизин удивлённый взгляд. Таня улыбнулась ей в ответ и сказала в трубку, что ей нужно идти.

– Хорошо, тогда потом ещё поговорим ближе к делу, – сказал Славик. – Я тебя обнимаю, – добавил он, помолчав.

– Я тоже тебя обнимаю, – автоматически ответила Таня, стараясь скрыть своё изумление.

Раньше он никогда не обнимал её по телефону.

– С кем это ты обнимаешься? – спросила Лиза.

И Таня рассмеялась, звонко, без оглядки, как раньше. Она видела, что Лиза довольна тем, что её подруга возвращается к жизни.

Таня и правда как будто пробудилась ото сна. Ей хотелось всё Лизе рассказать. А так как Лиза с удовольствием хотела послушать, то они стали вместе накрывать стол к обеду. И Ленни потягиваясь вышел с балкона, как будто для того, чтобы проверить, чему так радуются его хозяйка и её гостя. Он лениво потянулся и устроился на кресле, где обычно сидела Лиза – приготовился слушать Танин рассказ.

Уже было рассказано, казалось бы, всё, связанное со Славиком. Таня как будто бы доставала на свет свои детские вос-

поминания, убранные в дальние уголки памяти в суматохе новой жизни, разглаживала их и заново раскладывала на полочках в голове. Так вынимают под Новый год старые игрушки и украшения на ёлку, вспоминая, когда и при каких обстоятельствах они были куплены, и радуясь, что истории их приобретения живы в памяти.

– Как странно! Ты никогда мне раньше про него не рассказывала! – задумчиво глядя на Таню, сказала Лиза. – И вы после твоего отъезда не общались?

– Да мы общались время от времени до того, как я встретила Лёшу.

– Да... – ещё более задумчиво сказала Лиза. – И все это время он был в тебя влюблён?

– Влюблён?! – в свою очередь поразилась Таня. – Я не говорила, что он был в меня влюблён! Нет, я, наверно, не так всё рассказала. Мы просто дружили.

– Это тебе казалось, что вы дружили, – мягко, но решительно сказала Лиза. – Он был так внимателен к тебе всегда, так заботлив. Ты в самом деле думаешь, что он относился бы так к тебе, если бы не был влюблён?

Таня сидела, молча глядя на неё расширенными от удивления глазами. Невозможно было представить себе Славику влюблённым – его, такого спокойного и рассудительного, ровного в общении со всеми. Она затрясла головой, прогоняя этот неубедительный образ. Славик – влюблён?! Да ещё и в неё?! Это невозможно! Они же совсем друг другу не под-

ходят! То есть, она не подходит ему...

Но вот другая мысль закралась в сердце. А может, Лиза, права? Ведь только её, Таню, Славик пригласил танцевать на выпускном вечере.

И ещё она вдруг вспомнила другой эпизод, произошедший уже под конец их школьной жизни. Шли выпускные экзамены, и физкультура была одним из обязательных предметов. Таня всегда была в хорошей форме – отлично бегала на любые дистанции, прыгала в длину, только она и ещё одна девочка могли забраться по канату до самого потолка высоченного спортзала. Лишь через «козла» она перепрыгнуть не могла. На уроках Таня снова и снова разгонялась, добежала до злополучного снаряда и ... останавливалась, как вкопанная. И хмурилась. Что-то мешало ей оторваться от пола и перепрыгнуть. Ей виделось, что она непременно упадёт и покалечится.

Казалось, что до госэкзамена ещё много времени, а может, ей ещё и не придется прыгать. Но вот этот день настал. Прыжок через «козла» был в обязательной программе. Когда очередь дошла до Тани, она вдруг поняла, что у неё ничего не получится. Она похолодела. Неужели из-за одного элемента она не получит зачёт? Выхода не было, и Таня взяла разбег.

Ей казалось, что в этот раз обязательно должно получиться – ведь это же экзамен, нужно просто собраться и сделать то, что от неё требуется. Но нет, неудача. Таня бежала и, как загипнотизированная, останавливалась перед «козлом» раз

за разом.

И когда она в очередной раз разбежалась для прыжка, вдруг Славик выскочил из группы одноклассников, стоявших вдоль стены и наблюдавших за её поражением. Он пробежал рядом с Таней, подбадривая её. Таня не заметила, как пробежала по матам, она лишь смотрела, как Славик бежал рядом с ней.

– Прыгай! – крикнул он.

И Таня прыгнула. И у неё получилось. Все зааплодировали. Экзаменационная комиссия, состоявшая из учителя физкультуры параллельного класса, завуча и гостей из районо заулыбалась. Было видно, что им совсем не хотелось ставить этой девочке плохую оценку. Обстановка разрядилась. Их учитель физкультуры пожал Славику руку. Больше Таня никогда не прыгала через «козла». То был первый и последний раз.

Нет, это было удивительно, невероятно! Она же не вспоминала этот случай так долго, что, казалось, он стёрся в её памяти. Таня сидела на диване в Лизиной квартире и тихонько качала головой. Всё теперь представилось ей совершенно иначе, будто включили ещё одну лампу в комнате, и детали, незаметные раньше глазу, проявились в этом новом свете. И уже непонятно было, как раньше можно было их не замечать.

Лиза уже вышла из комнаты. Она напевала что-то, возилась на балконе. А Таня всё ещё сидела в изумлении. И Лени пришел и потёрся о её плечо, как бы проверяя её готов-

ность гладить и чесать его за ушком. И Таня с радостью схватила кота в охапку и стала тискать его, пока тот не возмутился такому панибратскому отношению, нарушающему привычную гармонию его жизни в этой квартире. Мало того, что эта подруга хозяйки уже гостит здесь несколько дней кряду, она теперь ещё будет теревить его так непочтительно! И кот с неодобрением мяукнул и ретировался к Лизе на балкон – искать там понимания и утешения.

Недели до отъезда пролетели быстро. В выходные перед полётом они с Лизой собирали Танины вещи. Таня ещё раз созванивалась со Славиком, и выяснилось, что погода в Питере стоит тёплая, даже непривычно тёплая для такого времени года.

– Я сравнил. Почти как у вас! – с удовольствием сообщил ей Славик. – Так что тебе не будет тяжело адаптироваться. Через день, правда, обещали дожди и похолодание, но потом снова должно потеплеть на недельку.

По-новому Таня вслушивалась теперь в его голос. Ведь он же ничего не знал. Не знал, что она знает.

Но это ничего. Она приедет и всё ему расскажет! Не может не рассказать! Ведь теперь всё поменялось. Удивительное чувство благодарности к нему наполняло её сердце. Это же надо – ничем не выдать себя так долго. Она настолько привыкла к его вниманию, что никогда не задумывалась, что же скрывается за ним.

На миг Таня засомневалась в том, правильна ли Лизина

догадка, но потом вспомнила, как только что Славик сказал, чтобы она не везла тапочки, полотенце, и вообще ничего тяжёлого и объёмного – у них всё для неё найдется. И ощутила привычную его заботу. Она по-новому услышала, как замер на мгновение его голос, когда он спросил:

– Ты точно приезжаешь? Всё в порядке?

И она снова уверилась в том, что Лиза права.

Таня села на поезд и поехала к родителям в Холон. Папа должен был встретить её и забрать. На следующий день он отвезёт её в аэропорт.

Сказать, что родители удивились её решению переехать к Лизе и лететь в Питер к Славику, значило было не сказать ничего. Таня ещё по-настоящему не обсуждала с ними эти новости. Она уже была вся в мыслях о поездке и сборах к ней. Теперь она поняла, что нужно было сделать это раньше, а не перед самым отъездом. Мама явно беспокоилась. Папа был, кажется, доволен. И только Антон рассеянно чмокнул её в щёку и сказал, что "Питер – это круто!".

Впрочем, времени на разговоры оставалось мало. Вечером они оживлённо обсуждали поездку за ужином. Родители перечисляли все места, где были вместе в Ленинграде. Старые фотографии папы с внешностью участника группы "Битлз" и мамы в мини-юбке были пересмотрены и убраны обратно в семейный альбом.

Таня боялась проспать и собиралась поставить будильник на три часа утра. Но Владимир Леонидович сказал, что раз-

будит её. Мама поинтересовалась ещё, может, нужно было найти более удобный рейс. Но по Таниному лицу она поняла, что ей всё удобно, всё устраивает. Её рассеянный взгляд, устремлённый внутрь себя, давал понять, что мыслями она уже была далеко. И мама только успела положить ей в пакет каких-то кремов для Славикиной мамы – "для Валечки, это же с Мёртвого моря, у них там всё дороже будет".

Таня всегда была рада снова попасть в родительскую съёмную квартиру в спальном районе Холона. Там у них была комната родителей, комната Антоши, которая раньше была их общей комнатой, и зал.

Ужинали всегда за большим овальным столом "с выставки". Новые репатрианты так называли мебель, которую удалось позаимствовать у более обеспеченных местных соседей, выставлявших за дверь всё, что было уже не нужно. Здесь это называлось "обновить" или "поменять" обстановку – то есть, попросту купить что-то новое, а надоевшее старое, ещё крепкое и годное, вынести и оставить на улице.

Так и попал к ним этот стол, ещё новый, с полированной столешницей. На праздник Песах в прошлом году Антоша с соседским Стасом увидели его на углу дома напротив, возвращаясь домой. Стол их впечатлил. Он стоял овальный и важный, тёмно-коричневый и тускло сверкающий в свете фонаря, как рояль. Сразу же было принято решение этот стол приобрести. Антоша ухватил его за один край, Стас – за другой. Стол оказался очень тяжёлым. Они и сами не пони-

мали, как смогли протащить его до дома и поднять на второй этаж.

Мама была очень рада этому новому предмету мебели. Она очень любила именно овальные столы. А этот стал прямо символом их новой обустройстваемой жизни. Вместе с Таней, приехавшей в гости и по достоинству оценившей этого аристократа, они купили на стол клеёнку и скатерть.

У мамы был исключительный вкус. Скатерть они выбрали тёмно-вишнёвого цвета, а клеёнку – белую, с розовыми цветами и прозрачными выпуклыми вкраплениями. Это было на редкость удачное сочетание, так как скатерть проглядывала сквозь эти выпуклости вишнёвым отливом.

Таня приготовила одежду на завтра. Она рассудила, что удобнее всего ехать в юбке, если уж в Питере так тепло. Она выбрала лёгкую белую блузку, джинсовую курточку и длинную тёмно-синюю юбку, которую ещё ни разу не надевала. Тёплые вещи на случай дождя заняли своё место на самом дне сумки.

Под утро Таня проснулась от того, что папа гладил её по голове и, поцеловав в лоб, прошептал, что пора вставать. Это было как в детстве, когда Антоша был ещё маленький, чтобы брать его с собой, и они на выходных уезжали вдвоём за город и не хотели будить маму. Таня, как тогда, обхватила папу за шею и, шепнула "сейчас". И как тогда, папа ещё постоял над нею, прекрасно зная, что она может снова нырнуть в сон, если её не разбудить до конца.

Но вот Таня открыла глаза и посмотрела на него томным со сна взглядом, и папа, улыбнувшись, пошёл ставить чайник. Они съели по бутерброду и уже стояли на пороге, когда мама вышла в халате и спросила:

– Так и ушли бы, не сказав мне ничего?

И они оба стали уверять, что конечно нет, они как раз и собирались идти к ней, а тут она сама пришла. Мама обняла Таню и попросила позвонить по приезду в Питер.

– И конечно, привет всем передавай!

Таня обещала передать.

Они вышли и махали маме, которая появилась в окне. Потом поехали по тихому, ещё спящему городу в аэропорт. Приехали с запасом времени. Купили кофе Владимиру Леонидовичу и какао для Тани.

Самолёт вылетал вовремя. Они обнялись напоследок, и папа сказал:

– Отдохни хорошо. Пусть свежий Балтийский воздух наведёт порядок в твоей голове после нашей левантийской жары.

Он улыбнулся, и Таня подумала, что папа понимает гораздо больше, чем она думала, и конечно же, гораздо больше, чем признался бы в этом, если его расспросить.

Она ещё махала ему, удаляясь, но вот уже скоро настала её очередь подойти к девушкам в форме, которые спокойно спрашивали всех отъезжающих, кто паковал багаж, передал ли им кто-нибудь что-нибудь с собой в дорогу, и вниматель-

но слушали ответы на свои вопросы.

Славик

Славик познакомился с Машей, недавно закончившей факультет дизайна, два года назад. Маша была полной противоположностью Тани даже внешне. Она была высокая, с рыжими волосами до плеч. И все считали их подходящей парой.

Правда Маша никогда так живо не интересовалась ни его учёбой, ни его работой, как продолжала делать это Таня. Время от времени они поздравляли друг друга с днём рождения, с новым годом. Их общение носило удивительный характер – они писали друг другу так, будто не молчали перед этим несколько месяцев, а продолжали с того самого места, где остановились в прошлый раз. И Славику уже думалось, что когда-нибудь они будут дружить семьями. Потом учёба начала подходить к концу. Их переписка как-то плавно сошла на нет. Маша стала делать намёки на то, что уже пора бы жить вместе, всё равно Славик собирается съезжать от родителей.

Всё было так, пока однажды Таня вдруг ему не написала. Это было не в день его рождения, и не под Новый год. И вообще это было очень странно, что она спрашивала про Ташкент и скучает ли он по школе. Это было довольно неожиданно. Славик ответил ей сдержанно, что в Ташкенте был давно, с тех пор они продали квартиру и окончательно переехали в Россию, да уже и не тянет туда так сильно.

Таня написала, что не представляет его в Питере, что по переписке ещё можно представить, а вот так наяву – нет. Здесь он улыбнулся. Это было так на неё похоже: сказать что-то, чтобы он отчётливо почувствовал её восприятие, как будто она смогла вновь дотянуться до него сквозь все эти расстояния. И тогда он сделал то, чего сам от себя не ожидал. Он позвонил ей, а потом сказал, что приглашает в гости, что родители будут рады её видеть. И он не солгал. Мама всегда интересовалась и спрашивала про Таню.

Он думал, что она, конечно же, не согласится – тот, другой, удержит её. Но она ответила, что с удовольствием приедет. Когда? Да вот хоть через месяц. У них в октябре ещё не начинается учёба, да и осталось только диплом написать.

Это было неожиданно, невероятно, и Славик подумал, что ещё год-два тому назад он всё бы отдал, чтобы она приехала в Питер. По началу, ещё не обжившись на новом месте, он часто вспоминал Таню. Потом стал вспоминать реже. Этот город имел свою собственную, уникальную историю, и Славик успел его полюбить.

Более того, он уже не представлял себя отдельно от берегов Невы, городских парков, называвшихся здесь садами, и имеющих неповторимый запах свежей липовой листвы и сочной травы весной. Славик живо представил себе Таню, шагающую рядом с ним по любимым улицам. Он поводит бы её по всем замечательным местам этого удивительного и красивого города.

С Машей такие прогулки не получались. Она предпочитала встречи с друзьями в клубах, походы в кино и вообще была очень урбанизирована. Природа воспринималась ею как декорация или погодное явление. Она расстраивалась, когда было ветрено, шёл дождь, и дулась, когда Славик предлагал "тащиться" куда-нибудь в непогоду. Очень тяжёло было заинтересовать её чем-то, что напрямую не касалось её самой или её занятия – дизайна. Славикин папа, наблюдая их отношения, начинал рассуждать про индивидуализм и о том, как редки пары, в которых партнёры равно уважают друг друга.

Славик с Таней договорились созвониться через неделю. К этому времени Таня должна была купить билеты и знать точную дату прилёта.

– На сколько ты останешься? – спросил Славик.

– Не знаю! Пока не надоем вам! – засмеялась она.

Потом уже серьёзно добавила, что приедет дней на десять.

Да, всё-таки это было удивительно, невероятно. Настолько, что он забыл её спросить, прилетит ли она одна или с кавалером. Эта мысль теперь занимала Славика, и он ругал себя, что не спросил сразу. Прошла неделя, прежде чем они созвонились снова, и он смог задать Тане этот так волновавший его вопрос. Она на секунду замолчала, а потом сказала, что приедет одна.

Что-то задумчивое и немного грустное было в её голосе. И Славик решил, что они расстались. Он не мог бы сказать, почему он так решил, она ведь ничего такого не упоминала.

И Славик, понятное дело, не спрашивал, только поспешил объяснить её приезд одной тем, что Таня наконец поняла, что не любит того, другого. Как может она любить такого человека! Да они совсем друг другу не подходят! А почему Славик решил, что они друг другу не подходят, он не смог бы объяснить, даже если бы его мнением на этот счёт кто-нибудь и поинтересовался.

Итак, этот день наступил! Славик не мог уснуть с вечера. Он всё ходил, пил воду, и торопил ночь. Таня прилетала под утро. Родители видели его волнение, и папа шутил что-то на тему Фигаро. Маша не так давно уехала с родителями в Крым к каким-то родственникам, которые готовы были принять их, так как у них был собственный домик. Может, потому что так быстро всё произошло, или от того, что Славик сам до конца не верил, что Таня придет к нему на самом деле, он даже не сказал о ней Маше.

Но причем тут Фигаро, если Славик не видел Таню целую вечность?! То есть видел, конечно, на тех злополучных фотографиях, на которых не всегда чётко можно было разглядеть выражение её глаз.

Он привык читать по её глазам, идя с ней рядом и расспрашивая о прошедшей неделе во время учёбы в универе. Он знал, что если она хмурится, то что-то не совсем выходит с последней семинарской работой. Он понимал, что если она расстроена из-за какой-то оценки, то нужно сначала дать ей время помолчать, а потом осторожно спросить об этом.

Мир состоял из этих разговоров и обсуждения последних событий в универе. Их жизнь складывалась из обмена мнениями и планами на будущее. Пока это всё не оборвалось так внезапно, хотя они и были об этом предупреждены. Четыре года они продолжали общаться, зная, что Таня уедет, как только закончит учёбу. Может, они не верили в это до конца? Так привыкли к этому общению, что были уверены, что оно продлится несмотря на расстояние? Славик никогда не задумывался над этим раньше.

И вот новый виток их жизни. Таня приезжает к нему в гости в Питер, где он уже обжился до такой степени, что считает этот город своим. И снова можно строить планы, куда пойти и что делать. Можно говорить до ночи и рассказывать друг другу, что с ними произошло за это время. Можно даже не звонить Маше по вечерам, тем более, что там не всегда есть интернет и хорошая связь.

Таня

Таня летела израильской авиакомпанией Эль-Аль, и это значило, что в самолёте будут сотрудники безопасности, а во время завтрака подадут местную, уже полюбившуюся ей еду – хумус, много овощей, фруктов. Будут постоянно приносить воду – именно в Израиле Таня поняла, что нужно много пить.

Полёт был прекрасный. В самолёте было не так уж много людей, и от этого было уютно. Усталые пассажиры после прибытия в аэропорт среди ночи, гуляния по магазинам Дьюти Фри в поисках скидок на товары и прохождения проверки службы безопасности, дремали в креслах.

Заботливые девушки-стюардессы помогали рассаживаться группе пожилых религиозных горских евреев в соседнем ряду. Их было три пары. Они весело шутили и рассказывали, что в первый раз после развала СССР решили поехать в Ленинград. И самая молодая стюардесса, видимо, не совсем знакомая с реалиями бывшего советского пространства, спросила, далеко ли это от Санкт-Петербурга, куда они летели. И тогда эти бабушки и дедушки принялись ей объяснять, что Санкт-Петербург – это и есть Ленинград.

Таня улыбнулась и подумала, что тоже летит туда в первый раз.

Она уснула и проспала до завтрака. А после него объявили

посадку.

Таня уже выглядывала в окно, когда они подлетали к Пулково, и теперь всюду вбирала в себя глазами приближающийся город. Россия! Очень интересно.

Наконец на двух языках пилот попрощался с пассажирами. Религиозные пары потянулись к выходу. И Таня за ними.

Пройдя таможду, она пошла забирать свой багаж и там увидела пожилую женщину, тщетно старавшуюся ухватить с крутящейся карусели свою небольшую сумку. Старушка суетилась, и седые кудряшки на её голове колыхались, как листочки на ветру. Её серая клетчатая юбка колыхалась тоже. Таня ловко подхватила ручку старушкиной сумки, норовившей ускользнуть и поехать кататься дальше.

– Большое спасибо Вам! – обрадованно сказала женщина.

Она сразу же решительно взяла свою сумку, как будто боясь, что та опять от неё убежит.

Взяв свой чемодан, Таня устремилась за старушкой к выходу, где уже было довольно много встречающих. Слышались радостные возгласы приветствий. Старушка тепло распрощалась с ней. Они даже обменялись контактами. "Евгения Сергеевна" – прочла Таня на клочке врученной старушкой бумажки – и номер телефона.

– Если будет у Вас время и желание, обязательно позвоните мне, – улыбаясь сказала новая знакомая.

Это было очень приятно. Бабушка очень понравилась Тане.

Но где же Славик? Когда она увидит его? И Таня дальше закрутила головой.

И вдруг она заметила его. Он стоял высокий, сосредоточенно глядя прямо на неё. Видимо, её и привлёк этот взгляд. Он был такой знакомый, такой свой, что Таня очень обрадовалась. У неё как будто бы за спиной выросли крылья. Она шагнула по направлению к нему. Он тоже пошёл ей навстречу, и они сразу же оказались рядом, и обнялись, и оба рассмеялись этому.

– Таня! Как я рад тебя видеть! – он задержал её в объятиях на несколько мгновений, и это было так естественно, как будто так и должно было быть.

Знакомый низкий голос теперь звучал не в наушниках при разговоре по скайпу, и не в телефоне.

– Я тоже очень рада тебя видеть!

– Давай сюда сумку. Пойдём, я тут с родителями.

Это был неожиданный сюрприз! Они все вместе приехали её встречать! Таня только успела об этом подумать, как уже обнималась с тетей Валеёй. Дядя Саша с высоты своего роста наклонялся к ней и улыбаясь спрашивал, как она долетела.

– Всё прошло хорошо. Я очень рада вас видеть.

Потом они ехали к ним домой, показывая Тане мелькавшие за окном здания. Её чемодан ехал в багажнике. Таню посадили рядом со Славиком на переднем сидении, как почётную гостью, а родители устроились позади.

Так они и доехали. Только одно короткое происшествие

привлекло внимание Тани в пути. Неожиданно зазвонил Славикин телефон, и на нём высветилась фотография девушки со светло-рыжими волосами до плеч. Девушка смеялась, закинув голову. Телефон сообщал, что звонит Маша.

Славик отклонил этот звонок, пробормотав: "потом перезвоню". Таня не придавала этому значения, но краешком глаза увидела, что он смутился и нахмурился.

Семья Славика жила в просторной квартире в старом доме с высокими лепными потолками. Таня никогда и не видела таких домов.

У Мариных было три комнаты: спальня родителей, зал, и комната Славика, которую он великодушно отдал в полное Танино пользование.

Вход в это старинное здание на улице Марата был со двора. И снова Таня удивилась тому, как непохож был этот город на Ташкент и, тем более, на города Израиля. Всё здесь дышало стариной, было такое милое и уютное. И в то же время, чувствовалась причастность к бывшему Союзу.

Запах в подъезде был совершенно такой же, как в подъездах домов в Ташкенте. О, этот забытый запах человеческого жилья, вобравший в себя ароматы с кухни, где готовится что-то вкусненькое, запах деревянной мебели и шерстяных ковров! Интересно, что ингредиенты запаха менялись, а сам он оставался неизменным, как запах самой советской жизни, объединявшей огромные пространства всех бывших республик Союза.

Когда она сказала об этом Мариним, те закивали головами. Но при этом, дядя Саша добавил, что не скажи она об этом, они бы и не заметили, так привыкли они к этому запаху здесь.

Таня приехала всего на десять дней, но так уютно ей стало, когда, разложив вещи на полках в шкафу, специально освобождённых Славиком для неё, она села на его кровати и огляделась.

Комната была небольшая, но очень удобная. Почти во всю стену шло окно с широким подоконником. Потом Таня узнала, что во многих домах здесь были такие подоконники. Они показались ей очень удобными – хочешь, расставь горшки с цветами, хочешь – фарфоровые статуэтки, а можно просто сидеть там с книжкой до позднего вечера – в Питере летом были белые ночи.

Именно для того, чтобы скрыть свет, проникающий летом в комнату допоздна, на карнизе висела длинная тёмно-зелёная портьера из очень плотной ткани. Задёрнув её, Таня обнаружила, что комната полностью погрузилась в темноту.

Сегодня был удивительно тёплый день, совсем не похожий на предыдущие сентябрьские дни, как в один голос уверяли её Марины. Они сами вспоминали, как приехали сюда в июле, и это был такой холодный, дождливый день, особенно после ташкентского солнца и духоты, что им показалось, будто внезапно наступила осень.

Итак, это был её первый день в Питере. Таня устала с до-

роги – летела ночью, поэтому прилегла отдохнуть. Проснулась она уже ближе к вечеру, потянулась в кровати, и так здорово ей показалось, что она здесь, у друзей, знакомых с детства, что ей внезапно захотелось их увидеть, расспросить обо всём. Таня поспешно слезла с кровати и вышла из комнаты. Дядя Саша сидел с газетой, тетя Валя хлопотала на кухне, а Славика нигде не было видно.

– Ну, как, проснулась, спящая красавица? – первым заметил её дядя Саша.

Он отложил газету и предложил сесть на диван. У них был совершенно замечательный светло-зелёный диван, занимавший весь угол в салоне. Тётя Валя вышла из кухни и объявила, что скоро всё будет готово. Тане стало совестно, что они так хлопочут для неё, а она только встала.

– Тётя Валя, давайте, я вам помогу, – сказала она.

– Отдыхай с дороги, Танюша, – ответила тётя Валя. – Уже всё готово.

И засмеялась, когда Таня сказала, что поможет хоть на стол накрыть, и потопала за ней на кухню.

Тётя Валя жарила свои обалденные котлеты, уже был готов салат, который, оказывается, нарезал дядя Саша, и такой милой, такой уютной показалась Тане эта кухня, которую она видела в первый раз в жизни.

– Славка сейчас вернется. Он бегать пошёл, – объяснил дядя Саша отсутствие сына.

И правда, пока они накрывали на стол, входная дверь от-

крылась, на пороге появился Славик, красный и с волосами в полнейшем беспорядке. Он сразу же побежал в душ, на ходу объявив:

– Садитесь без меня! Я вас догоню.

Но они не сели, а подождали его, и когда он вернулся в чистой футболке и причёсанный, Таня поняла, что совсем его не знает. Славик стал крепче, плечистее и пожалуй, ещё больше вырос. Она встретила его серьёзный твёрдый взгляд и не узнала в нём того мальчика, с которым училась в школе. В старших классах при разговоре с ней он часто стеснительно улыбался и смотрел в сторону. Ничего не стоило уговорить его пойти в кино или в парк. Но этот парень, севший напротив неё за небольшим кухонным столом, выглядел и вёл себя иначе – более смело, более уверенно.

Ну вот, теперь можно было начинать обедать. Но только они сели, как позвонили в дверь. Родители Славика переглянулись.

– Мы кого-то ждём сегодня? – спросил дядя Саша.

– Да нет вроде, – вставая со своего места ответил Славик.

Со стола не было видно, кто пришёл, но до Тани долетел обрывок фразы, сказанной весёлым женским голосом:

– Хотела сделать тебе сюрприз!

Тётя Валя застыла с ложкой над тарелкой дяди Саши, накладывая ему салат.

И сразу как бы прошло, потерялось волшебство этой встречи с близкими людьми.

Смущённый, вошел Славик, а вместе с ним высокая улыбающаяся девушка со светло-рыжими волосами до плеч. Таня узнала её. Эта девушка звонила Славику, когда они ехали из аэропорта.

Новая гостья тоже увидела Таню и остановилась. Улыбка сошла с её лица. Это была обоюдно неожиданная встреча. В тот же миг она повернулась к Славику:

– Извини, я не знала, что у вас гости.

Нахмурившись, и отводя взгляд от Таниного лица, тот сказал:

– Знакомьтесь, это – Таня, моя одноклассница. А это – Маша.

Маша опять взглянула на него и добавила, как будто обращаясь только к Тане:

– Маша Копылова. Очень приятно. Мы со Славиком встречаемся.

Впрочем, она могла бы и не пояснять. Таня и так обо всем догадалась.

– Взаимно, – ответила Таня из вежливости, хотя что-то невольно кольнуло её.

Она никак не ожидала такого поворота событий. Ведь она приехала услышать от Славика, что всё, о чём говорила догадливая Лиза – правда, а заодно сообщить ему, что ей, Тане, всё теперь известно, что ей жаль, что она не поняла всего раньше сама. Таня очнулась от тишины, повисшей в кухне над уютным желтым абажуром.

Тётя Валя, желая сгладить неловкость, пригласила Машу к столу. Но та сказала весело:

– Спасибо большое. Я на минутку. Я вернулась раньше, чем думала. Хотела попросить Славика помочь мне с компьютером.

При этих словах она красноречиво посмотрела на него. И продолжала:

– Кажется, ты предлагал мне посмотреть, что не так с моим ноутбуком. А то мне Настю не хотелось просить приходиться в офис в субботу.

– Конечно, помогу. Просто Таня с дороги. Давайте поужинаем, а потом разберёмся со всем.

– Хорошо. Ты, кстати, можешь остаться у меня ночевать. Родители ещё не возвращаются. В моем распоряжении вся квартира. У меня срочный заказ, поэтому пришлось вернуться.

Она повернулась к Тане и, пожав плечами, пояснила:

– У меня своё агентство торжеств – дизайн помещений, съёмка, проведение мероприятий. Была на отдыхе, а тут вдруг важный клиент нарисовался. Такую возможность нельзя упускать. Ну, сами понимаете, – и она ослепительно улыбнулась.

– Маша, Таня не живёт в Питере. Она приехала из Израиля, поэтому эта информация ей вряд ли пригодится, – вступил в разговор Славик.

– Ааа... – с интересом, по-новому взглянула на Таню вла-

делица агентства торжеств.

Таня смущённо улыбнулась.

Маша села рядом со Славиком. Она весело рассказывала о последней съёмке свадьбы каких-то знакомых, которые принесли с собой котят. Котята испугались и разбежались по всей студии, и всем пришлось их ловить. Одного нашли спящим в сумке фотографа. Она обещала показать эти фотографии. Весь вечер она смеялась, шутила и время от времени очень свободно брала Славика за руку или клала руки ему на плечи.

Таня молча наблюдала за ними, и ей казалось, что Маша, что-то почувствовав, как бы давала ей понять, что Славик принадлежит ей одной, и она не намерена делить его с кем бы то ни было. Сразу же после ужина Маша со Славиком стали собираться. Он только поспешно подошел к Тане и тихо сказал:

– Я потом всё объясню.

И вышел вслед за Машей.

Славик

Они поехали встречать Таню все вместе. Валентина Васильевна села сзади, Славик за руль, так как уже год, как получил права, а Александр Михайлович занял переднее сиденье рядом.

Боже, как долго тянутся последние часы перед её приходом! А вдруг они опоздают? И Тане придется ждать! Папа шутил и гадал, на каком светофоре их ожидает пробка. Но пробок не было в субботу в такой ранний час. Они приехали немного раньше, чем ожидали.

И вот Славик, вытянув шею, оглядывается по сторонам, высматривая Таню. Родители решили постоять в уголке, чтобы не смешиваться с толпой провожающих и встречающих.

И вот Таня выходит, и он сразу же узнает её, хотя одежда она не так, как он привык её видеть. В школе она всегда предпочитала джинсы и короткие юбки до колен, а тут на ней какая-то длинная юбка и лёгкая куртка. Юбка тёмно-синего цвета, тонкая и воздушная. Белая блузка, тоже тонкая и тоже воздушная. Она шла и, казалось, сейчас взлетит, такая в ней была лёгкость, в каждом её движении, в том, как эта юбка летит вместе с ней, обвиваясь вокруг ног. Она и не она. Рядом семенит какая-то незнакомая старушка, и Таня внимательно слушает её, а затем бабушка пишет что-то на маленьком клочке бумаги. Таня берёт этот клочок и они рас-

стаются. Кто это? Какая-то знакомая?

Как часто он мечтал, что она прилетит к нему в гости! Как часто представлял, как это случится! И вот, этот миг настал. Сколько воспоминаний всплыло в его душе – тягостных и весёлых! Сколько лет прошло, прежде чем они смогли встретиться опять!

Но Славик мыслями снова возвращается в настоящий момент. Таня одета по-другому, путешествует с незнакомой старушкой, но всё равно это самая настоящая Таня. Славик смотрит на неё и забывает позвать, пока не наткнется на её взгляд, обращённый к нему.

Он сразу же шагнул к ней и пошёл навстречу. И в первую же минуту они сразу обнялись. И снова это чувство охватило его, говоря, что хоть они и не виделись давно, но как будто не было всех этих лет.

Они оба одновременно рассмеялись, и он взял её сумку и повёл к родителям. Конечно же, они всё видели и всё заметили. Да наверно, и не заметить было невозможно. Таня обнялась с мамой, и та стала спрашивать, как прошёл полёт.

Обратно они ехали весело, обсуждая последние новости. Только один инцидент омрачил эту поездку. Славик снова был за рулем. И тут начал звонить его телефон. Это была Маша. Он понял это по той мелодии, которую поставил для её входящих звонков. Не долго думая, Славик отклонил этот звонок и увидел, как папа подмигнул ему в зеркале заднего вида.

Тогда он ещё не знал, что лучше бы ему было ответить, чтобы не пришлось ругать себя за то, что произошло после.

Таня устала с дороги и пошла отдохнуть в его комнате, где стоял его письменный стол, кровать, и шкаф, в котором он освободил полки для её вещей.

За несколько дней до этого Славик тщательно убрал свою комнату, а потом заходил туда несколько раз, проверяя, удобно ли будет Тане здесь, не мешает ли кипа журналов на столе – может лучше убрать в ящик? В ящик письменного стола отправилась и кепка, которую ему подарила Маша, и которую он ни разу не надел.

Устроив Таню и дождавшись того, что она ушла отдыхать с дороги, Славик пошёл бегать и не взял с собой телефон. Вернувшись, он обнаружил, что Маша звонила снова. И нужно было бы ей перезвонить, но ужин был готов, и все ждали его к столу. Он решил позвонить ей после.

Лучше бы он сразу перезвонил. Так бы он знал, к чему быть готовым. И неприятной сцены, последовавшей сразу же за тем, как он вернулся и присоединился к остальным, можно было бы избежать.

Маша появилась, как только они сели за стол. Раздался звонок в дверь. Славик пошёл открывать, и она радостно прыгнула на него прямо на пороге. Это был шок. Он как-то совсем не ждал её сегодня.

Маша была в красном. Она любила красный и все его оттенки, поэтому часто носила вещи этого цвета, и вскоре, в

сочетании с её рыжими волосами, он стал восприниматься всеми как абсолютно нейтральный.

Итак, на Маше было красное платье до колен. С шеи свисала целая связка серебряных цепочек разной длины, чтобы было непривычно, так как Маша обычно предпочитала золото. Она считала, что оно больше подходит к цвету её волос, чем тусклое серебро.

Кажется, Маша была довольна, увидя его обалдевшее лицо. Она весело засмеялась и чмокнула его в нос.

– Хотела сделать тебе сюрприз! Извини, что нарушаю твой покой, но я столько звонила тебе, а ты не берёшь трубку. Так что я сама решила заскочить к тебе. Понимаешь, у меня комп не пашет, а тут срочный заказ. Может, посмотришь, что с ним? Так не хотелось Настю напрягать лишний раз.

Настей звали Машину помощницу. Скорее даже так: Настя делала всю работу по выполнению заказов – звонила и договаривалась о поставке материалов, приезде фотографа и клиентов и так далее.

– Без проблем, – ответил Славик автоматически, а потом подумал, что проблемы всё-таки возникнут.

Маша взяла Славика за руку, когда они остановились на пороге зала, начинающегося там же, где заканчивалась маленькая прихожая. Славик старательно рассматривал носки своих ног в домашних тапочках. Если бы мог, он предпочёл бы засунуть руки в карманы спортивных штанов. Маша преузошла саму себя в умении делать сюрпризы. Одного она не

рассчитала – увидеть за столом Таню, когда они вошли в зал. Тогда уже изумлена была она сама, такого сюрприза она не ожидала.

С минуту девушки смотрели друг на друга, пока Славик представлял их одну другой. Потом Маша начала "разведку боем", представившись успешной бизнесвумен, которая настолько нарасхват, что ей приходится возвращаться с отдыха раньше срока, чтобы клиенты остались довольны. Она ожидала, что Таня тоже расскажет, кто она и чем занимается.

Тогда можно будет сравнить, кто из них более успешен, и, следовательно, больше подходит Славiku. Маша не терпела конкуренции. А иначе чем можно объяснить неожиданное Танино появление здесь, если не попыткой увести у Маши жениха, как только она уехала отдыхать. О том, что Славик никогда не делал ей предложения, Маша не вспомнила. Она была слишком уверена в своей неотразимости и силе влияния на него.

Но Таня не стала объяснять, чем она занимается. Выяснилось только, что она бывшая одноклассница Славика и приехала из Израиля. На этом закончилась вся разведка.

Маше удалось утащить Славика к себе после ужина. Дорогой она оживлённо болтала, ведя машину, и усиленно делала вид, что Танино появление у Славика на кухне не имеет большого значения. Просто он пригласил в гости свою бывшую одноклассницу и забыл Маше об этом сказать, что ещё раз объясняет, что этот приезд не так уж для него и важен.

Но всё-таки какую-то перемену в нём Маша заметила, потому что зайдя в её новую, современную квартиру, в которой был не раз, он был задумчив и спросил: "Где твой компьютер?", хотя прекрасно знал, где он находится. Было заметно, что он сильно спешит.

Он не захотел выпить с Машей кофе, объяснив это тем, что рано встал, чтобы забрать Таню из аэропорта, и поэтому устал.

– А зачем она вообще приехала? – вдруг спросила Маша.

При этих словах он очнулся и сказал, что давно звал её к себе, родители очень хорошо знают Таню, они сидели вместе за одной партой в школе и так далее.

– А парень у неё есть? – задала второй стратегически важный вопрос Маша.

И Славик, удивившись такому вопросу, вспомнил парня с фотографий, и ему пришлось ответить, что есть.

После этого Маша, казалось, потеряла к Тане всякий интерес. Она только спросила, останется ли Славик на ночь, на что тот поспешно ответил, что нет, и повторил, что очень устал за сегодня.

Он прошёл в комнату, где стоял компьютер, и спросил, что же с ним не так.

– Да нет, – поспешно ответила Маша. – Это с моим ноутбуком что-то не так.

– И что же?

– Да постоянно виснет.

– А ты пробовала его перезагружать? Знаешь же, есть волшебный рецепт. Называется "семь бед – один ресет".

Маша засмеялась при этих словах, и ответила, что так беспокоилась, что не сможет работать, что сразу же схватила комп в охапку и помчалась обратно в Питер.

Славик слушал эту историю с интересом. Даже мир, крутившийся до этого с необыкновенной скоростью, вдруг приостановился на полуобороте. Этот бег начался с тех пор, как они вышли из дома, оставив Таню и родителей за столом допивать чай. В голове Славика пульсировала одна юркая мысль, похожая на бегущую строку: "Только бы она не спала, когда я вернусь." Чёрт, скорее бы закончить и выйти на свежий вечерний воздух, успеть вернуться и всё объяснить Тане. Какой же он осёл! Самый настоящий Фигаро, папа был прав! Что Таня теперь думает о нём? Каким же олухом, должно быть, он выглядит в её глазах. Только бы она не спала, когда он вернётся! Только бы не закончился так нелепо её первый день пребывания у него в гостях!

Хотя на что он рассчитывает? Таня приехала навестить его не потому, что между ними возможны какие-либо отношения. Как раз наоборот. Они оба не свободны. Если он ещё может сказать, что пришел к мысли, что Маша – это явление временное и скоро между ними все закончится, то Таня уже давно встречается с тем, другим. Хотя что же это за отношения у них, если она уехала за границу на десять дней без этого Лёши? Все было очень неоднозначно.

Нужно было рассказать ей про Машу, как есть. Тем более, что рассказывать долго не о чем: да, встречались, но он понял, что это не его даже раньше, чем возобновил общение с Таней. А теперь всё выглядит очень глупо. Он пригласил одну девушку в гости, не расставшись с другой. И ладно бы, не рассчитывал на взаимность! Но как теперь объяснить Тане – ведь она такая честная и умная – что Маша для него ничего не значит, что скоро всё прекратится, и он ни разу не пожалеет о расставании.

Он поднял голову и встретился глазами с Машей. Эти глаза смотрели на него выжидательно. Похоже, дело было не только в сломавшемся компьютере. Тут было что-то ещё. Она ревновала его, поэтому и приехала раньше и без предупреждения появилась на пороге его квартиры. Он не отвечал на её звонки, и она решила проверить, что же не так. И теперь думает, что её опасения оправдались, раз за это время именно тогда, когда она была в отъезде, появилась Таня.

С одной стороны, Таня не представляла опасности по Машиним меркам, так как не была так интересна, как она сама. С другой стороны, что-то в ней было, если Славик так торопится убежать, хотя Маша только что вернулась и они давно не виделись.

Да, похоже, с компьютером всё было в порядке. Славик открыл крышку, и на него взглянули два смеющихся лица. Это они с Машей ездили прошлым летом отдыхать в Краснодарский край, сняли там комнату на неделю и неплохо про-

вели отпуск.

Славику тогда очень симпатичной казалась эта фотография: солнце заливало их сверху, Маша была в короткой юбке и белой майке, открывающей живот. Маша и теперь была всё та же, а вот себя он не узнал. Он разглядывал своё лицо, как лицо человека, которого видел впервые. Вроде бы он продолжал смеяться, как и раньше, но глаза были какие-то настороженные. И он вспомнил, что именно тогда начал улавливать намёки Маши, вскользь сказанные о том, что скоро они будут жить вместе.

Например, мама говорила, что давно надо отдать кому-то лишний уют, который кто-то подарил, а они им не пользуются. А Маша отвечала, что скоро, когда она будет жить отдельно, он ей и пригодится.

Или вдруг громко начинала обсуждать по телефону с подругой, через какое время та переехала к своему парню после знакомства.

– А что мы делаем завтра? – поинтересовалась вдруг Маша, вернув его из воспоминаний прошлогодней давности в комнату с приглушённым светом.

Славику никогда не нравился этот свет. Всё неестественно искажалось при этом свете – и цвета и формы предметов вокруг.

– Я думал, что завтра ты занята, – ответил Славик.

– Вообще-то да. Хорошо, тогда посмотрим, как пойдёт дело. Если Лёня быстро уложится, вечером я свободна!

Лёней звали высокого лысого фотографа в Машинной студии.

– Тебя подвезти обратно?

– Да нет, я, пожалуй, пройдусь. Пока!

И он покинул её большую комфортабельную квартиру, "первую жертву дизайна", как назвал её папа. Родители Славики были там всего один раз, когда приходили знакомиться с родителями Маши.

Вера Борисовна и Алексей Викторович были тихие спокойные люди. Они работали в каком-то министерстве. Славикина мама очень им симпатизировала. Тем более был заметен их контраст с Машей. Она была порывиста, нетерпелива. Родители Маши принимали это за проявление её творческой натуры. Ещё только поступив в колледж на отделение дизайна, Маша заново переделала свою комнату. А после добралась и до остальных комнат в квартире.

Ей были свойственны смелые современные решения. То она подвешивала к потолку резинового птеродактиля и уверяла, что именно своей "резиновостью" он и хорош – пластик не выглядел бы так натурально. То насаживала металлический бамбук вдоль просторных, от пола до потолка окон гостиной, уверяя, что это "вносит в дом элемент природы". Ни птеродактиль, ни бамбук не казались Славику натуральными. Включая свет, он каждый раз вздрагивал, снова обнаруживая под потолком это чудище, видимо, подсознательно ожидая, что когда-нибудь его оттуда же снимут! На острый

бамбук он натыкался, задёргивая шторы, когда они сели смотреть фильм, и нужно было, чтобы в комнате было темно.

В общем, с Машей было нескучно. Но в последнее время Славик стал ловить себя на мысли, что эта экстравагантность начинает ему надоедать. Он как будто смотрел на себя со стороны и не узнавал себя. За период встреч с Машей он понял, как важно понимать, кем ты становишься в новых отношениях, нравишься ли ты самому себе в них.

Например, он точно знал себя рядом с Таней. Рядом с ней ему было хорошо. Он чувствовал себя то заботливым другом, то тайным поклонником. Эти два амплуа успешно совмещались в нём. Одно из них он носил свободно, снаружи, другое было запрятано внутри за, казалось бы, ничего не значащими фразами, когда он просто интересовался, как дела.

Подходя к дому, Славик с облегчением увидел в своей комнате свет. Значит, Таня ещё не спит, и с ней можно поговорить, объяснить ей всё.

Таня и правда не спала. Сидя на его кровати, она читала книжку. Это была такая мирная картина – Таня в его комнате с книжкой, – что Славик остановился на пороге и забыл всё, что собирался ей сказать. Таня тоже молчала. Наконец, он собрался с духом и извинился за то, что не предупредил её о Маше.

Но Таня всё поняла. Она сказала, что ничего не случилось, и что он не обязан ей ничего объяснять. Какая же всё-

таки она была молодец! Славик заново оценил её в этой ситуации. Они поговорили о том, что завтра пойдут гулять, и что уже поздно, и пора ложиться спать.

Он закрыл за собой дверь, сходил в душ, но затем долго ещё лежал и думал о том, какое это чудо, что Таня сегодня приехала к нему в гости. Теперь она спит в его комнате на его кровати.

Потом он вспомнил весь этот день, как волновался, когда ехал её встречать, как увидел её в длинной, какой-то летящей тёмно-синей юбке. Она вся была такая летящая и свежая, и столько событий произошло со времени её приезда.

Он вспомнил, как она вышла, болтая с какой-то старушкой, и это было так похоже на Таню – завязать знакомство с бабушкой, помочь ей с чемоданом. Он сразу же узнал её по тому вниманию, с которым она вслушивалась в то, что ей говорила попутчица, и неотрывно глядя на неё большими зелёными глазами.

Он не сразу уснул, но, засыпая, видел одну и ту же повторяющуюся картину, как Таня замечает его в толпе, замирает на мгновение, и как расцветает в улыбке её такое знакомое лицо. И это был как бы знак, что всё произошло правильно, и хоть они замолчали так надолго, больше уже не потеряются. "Особенно потому, что она ни словом не упомянула про этого своего..." – успел ещё подумать Славик, прежде чем погрузился в сон.

Таня

Таня в задумчивости помогла тётке Вале убрать со стола. Дядя Саша вышел – за ним зашёл сосед погулять с собакой.

Когда вся посуда была перемыта, тётя Валя позвала Таню рассматривать старые фотографии. Они не возвращались в разговоре к инциденту за столом. Таня ни о чём не спрашивала тётю Валу, только иногда ловила на себе её сочувствующий и всё понимающий взгляд.

Они начали с детских фотографий Славика, и Таня с удивлением обнаружила, что были среди них такие, которые она и не видела никогда. Когда она навещала Мариных в Ташкенте, они в основном болтали о прочитанных книгах, просмотренных фильмах, о событиях в школе. И тут Таня поняла, что хотя они были вместе в садике и потом в школе, она уже и не помнила, каким был Славик, когда был маленьким.

С новым чувством рассматривала она этого мальчика, темноглазого и темноволосого – вот он шагает за руку с молодым дядей Сашей и ест мороженое. Вот улыбается беззубой улыбкой на даче у бабушки. И Таня вспомнила, как в сентябре, возвращаясь в школу после летних каникул, Славик приносил выращенные бабушкой цветы и угощал всех чёрными семечками подсолнухов. Это был просто большой срезанный жёлтый цветок, но им он казался самым воплощением солнца и лета, когда они выбирали оттуда семечки

и грызли их во время перемены во дворе.

Это были далёкие воспоминания детства, когда Таня не задумывалась над тем, какие у них отношения. Славик был просто другом, одноклассником. А теперь? Как он к ней относится? Как она относится к нему? Она приехала за ответами, а получила ещё больше вопросов.

Потом они звонили Таниным родителям. Те приникли к экрану и были похожи на сросшихся головами сиамских близнецов. Тётя Валя благодарила их за гостинцы, а те её за то, присматривают за Таней, как сказал Владимир Леонидович.

– Да что за ней присматривать! Она уже такая большая! – засмеялась тётя Валя.

– Большая-то большая, а присмотр ей не помешает, – и он подмигнул.

Таня сделала ему большие глаза, чтобы не сказал ничего лишнего. Но разговор уже перешёл на Славика – где он работает, чем занимается.

Между тем Славик всё не возвращался. Таня с тётей Валей уже закончили звонок, и Таня сказала, что пойдёт ещё почитает на ночь. Она вспомнила, что Маша звала Славика остаться у неё ночевать, и подумала, что бессмысленно ждать его сегодня.

Но он пришёл. Когда уже стемнело, и дядя Саша вернулся с прогулки, тётя Валя позвала его спать. Они ушли, пожелав Тане спокойной ночи. Таня сидела на кровати Славика

и читала, когда услышала, как во входной двери повернулся ключ.

Она оторвалась от книги, и в ту же минуту Славик появился в комнате.

– Я думал, что ты уже спишь.

Они смотрели друг на друга, как будто видели впервые.

– Таня, я должен тебе всё объяснить. Извини, я не рассказывал тебе про Машу.

Таня молча смотрела на него, а потом сказала:

– Ты не обязан мне ничего объяснять. Извини, я тоже тебя ни о чём не спросила, когда ехала. Но ничего страшного не произошло. Надеюсь, я не смутила Машу.

– Нет, Машу ничем не смутить! – ответил Славик.

И они вдруг рассмеялись.

Он сел на другой край кровати и спросил:

– Тебе удобно здесь?

– Да, у тебя очень уютная комната.

– Мне кажется, уютной она стала, только когда в ней поселилась ты. Мама говорила, что эта комната больше напоминает берлогу, чем жильё цивилизованного человека. Когда я узнал, что ты приезжаешь, мне пришлось здесь немного... ммм .. прибраться.

И они снова засмеялись.

– Хочешь, завтра пойдём гулять? – спросил Славик немного помолчав.

– Конечно, хочу.

– Тогда спокойной ночи и до завтра. Если что-нибудь понадобится – я сплю здесь в зале. Позови меня.

– Хорошо, спасибо тебе большое. Спокойной ночи.

Так закончился этот вечер. Славик вышел, и Таня слышала, как он пошёл в душ. Но она уже закрыла дверь и долго лежала потом в темноте, думая над тем, как прошёл первый день её приезда.

А на следующий день пошёл дождь. Сначала он только моросил, и дядя Саша шутил, что Таня ехала в лето, а приехала в зиму. И Таня согласилась, что в Израиле как раз такая зима. Пока они завтракали, Таня смотрела, как лёгкие капли бегут по стеклу, и думала, что она привезла ботинки и куртку, и поэтому никакой дождь ей не страшен.

Когда они со Славиком вышли на улицу, то было даже здорово идти под зонтиками и оглядывать с восторгом этот новый, чисто вымытый город. Но потом начался настоящий ливень! Танин зонтик в два счета сломался, хотя она уверяла, что он выдерживал бури и похлеще в Израиле – с морским ветром и градом.

– Балтика это тебе не Средиземноморье, – ответил на это Славик.

Они какое-то время шли под одним зонтом, но из-за этого зонта и дождя, заливающего все вокруг, всё равно ничего не было видно. Они решили вернуться домой.

Вокруг шли люди в дождевиках, которые Таня видела впервые. В Ташкенте так не одевались – там просто носили

куртки и зонты. И в Израиле также. Славик ей объяснил, что в Питере дождь может лить неделю, все промокает под таким дождём. А дождевик очень удобен – снял его и ты сухой. Можно зайти в метро, в кафе и не сидеть в мокрой одежде.

Дома тётя Валя пекла пирожки, и они подсели к ней за маленький кухонный столик помогать. Танины ботинки сохли под окном. Зонтик пришлось выбросить. Они решили, что предпримут ещё одну вылазку ближе к вечеру.

– Кстати, если не хотите никуда далеко ходить, – проинформировал их дядя Саша, – сейчас вроде неплохая выставка в музее Фаберже.

Туда и отправились Таня со Славиком, когда после обеда дождь перестал лить. И хотя солнце так и не выглянуло в тот день из-за туч, они собрались и вышли на улицу.

Дорогой Славик рассказывал про свою работу. Таня слушала и кивала – всё это ей было очень интересно. Но ещё интереснее казался ей он сам. Иногда Таня поднимала голову и внимательно смотрела на своего друга детства. Ей хотелось проверить, много ли от прежнего Славика осталось в этом парне, который уверенно вёл её по улицам знакомого ей лишь по книжкам города. Он чувствовал себя здесь вполне своим, и Таня на какой-то миг даже позавидовала ему в этом. Она не могла похвастаться, что также смело чувствует себя в Израиле.

Выставка и в самом деле была великолепна. Знаменитые миниатюры поражали своим изяществом, и невозможно бы-

ло поверить в то, что они были сделаны более века тому назад. Маленькие механические фигурки, роскошные помпезные украшения на знаменитых яйцах прославленных мастеров, поглотили всё Танино внимание. Она задумчиво кивнула Славику, заглядевшись на маленькое креслице, отделанное золотом и инструктированное драгоценными камнями, когда он поинтересовался, нравится ли ей здесь.

Целый мир открывался в этих залах музея – мир кропотливой и аккуратной работы, мастерства, передававшегося из поколения в поколение.

– Знаешь, – вдруг сказала Таня, – если и стоит что-либо делать в этой жизни, то именно так, с такой отдачей и таким старанием. Ты понимаешь, что они шагнули далеко за рамки своего времени?

– Да, – сказал он и молча смотрел в её горящие глаза.

– Что? – удивилась Таня. – Что ты так внимательно смотришь?

– Я очень рад, что тебе понравилось, – помолчав ответил Славик.

И они ещё какое-то время бродили по уютным залам этого удивительного места. Что-то невидимое летало над ними, как будто какая-то мысль, одновременно пришедшая к ним обоим вместе, ещё не совсем сформировавшаяся, но прекрасная в своем зарождении.

После они зашли в магазин шоколада, который был как раз по пути домой, и закупили конфет. Позже, сидя на ма-

ленькой кухне Мариных, они пили с этими конфетами чай и рассказывали родителям Славика о музее.

Славик

На следующий день было воскресенье, и, подкрепившись с утра горячим чаем и маминым омлетом, они с Таней пошли гулять.

Это была смелая попытка, так как лёгкий морозящий дождь перешёл постепенно в целые потоки, нещадно заливающие всё вокруг. Уже ничего не было видно в этом дожде, и пришлось вернуться домой, чтобы обсохнуть и переждать ливень.

После обеда они пошли в музей Фаберже. Как же это посещение не походило на то, прошлое, когда Славик пригласил сюда Машу! Как и тогда, его заворожило богатое убранство комнат и продуманная роскошь экспонатов. Весь Петербург был в этом – таинственный, красивый и шикарный.

Но Славик оценил своё впечатление по-настоящему именно сейчас, когда пришёл сюда с Таней. Он смотрел в её горящие глаза и видел в них своё первое восхищение этим местом и этими работами, требующими огромного таланта и творческого вдохновения. Как будто это он вошёл сюда и застыл в немом восклицании. Он читал это же узнавание прекрасного в её взгляде на изящные миниатюры позапрошлого века.

И удивительная мысль посетила его. Он всё думал только о том, какие они разные, как по-разному они выражают

свои эмоции. Ведь он всегда был так сдержан, скрывая своё несмелое чувство в страхе потерять её расположение. А Таня была всегда такая живая и непосредственная, всегда готовая говорить обо всём, что её беспокоит, не боясь быть неправильно понятой или непонятой совсем.

А здесь он увидел, что хотя чувства их выражались по-разному, они шли из одного источника. Это было приятное узнавание – узнать в другом себя. Так они и ходили по залам – Таня, всматриваясь, вчитываясь в краткие истории, описывающие создание очередного шедевра, и Славик, идущий за ней по пятам, как и раньше. Но в этот раз это не было слепое поклонение. Он смотрел на неё, как равный на равную. И это принесло ему небывалое, неиспытанное доселе облегчение, как будто спустя много лет он смог признаться самому себе во многом, от чего раньше бежал.

Выходит, он боялся и не верил, что они могут испытывать те же самые чувства – восторга, изумления, восхищения – и при этом оставаться разными, то есть самими собой. Быть похожими оставаясь каждый в своем отдельном мире – это было удивительное открытие этого вечера, которое они оба почувствовали и сумели пережить вместе.

Они вернулись домой с коробкой шоколадных конфет, купленных по дороге обратно, и долго делились впечатлениями. И родители Славика, сидя в кругу абажура, высоко подвешенного над кухонным столом, радовались за них и не узнавали своего сына, настолько он изменился за один вечер.

Потом они разошлись по своим комнатам, чтобы дать возможность Славику лечь спать пораньше.

Наутро нужно было идти на работу. Славикина студенческая ставка означала, что он появляется на работе три дня в неделю. Он сразу попросил отпуск, как только узнал, когда приезжает Таня, но начальство попросило его задержаться ещё на пару дней – закончить проект, над которым они работали в последнее время.

Славик собирался, стараясь никого не разбудить, и только тут вспомнил, что дипломат остался в его комнате – той самой, где сейчас спала Таня. В дипломате была флешка с материалами последнего проекта и другие важные вещи.

"Чёрт! – подумал Славик. – И маму не хочется будить." Не может же он сам появиться у Тани. Мама могла бы сделать это за него. Но мама ещё спала.

Он подошел к двери в свою комнату и остановился. Может, постучать? Он осторожно постучал. Ответа не последовало, тогда он решился войти.

Таня спала, закутавшись в одеяло, она не услышала его стука, и у неё было такое сосредоточенное лицо, будто бы она во сне решала какую-то сложную задачу. "Да, я успел загадать тебе загадок," – подумалось Славику. – Не переживай, мы во всем разберемся". На цыпочках, стараясь не разбудить Таню, он неслышно подошёл к письменному столу, взял дипломат и так же неслышно вышел.

Таня

Наутро Таня проснулась в пустой квартире. Славик и Александр Михайлович ушли на работу. Валентина Васильевна оставила записку о том, что пошла за покупками и очень не хотела Таню будить.

Это было очень мило с её стороны. Она вообще не слышала их передвижений утром. Какие же всё-таки это интеллигентные, внимательные друг к другу люди!

Она нашла заваренный чай в чайнике на кухне, кстати, ещё не очень остывший, добавила себе кипятку, так как никогда не любила крепкий чай, и поняла, что этот день весь в полном её распоряжении. Она решила не ездить никуда далеко сегодня и не ходить в Эрмитаж одной. Она просто пройдёт по улочкам, а потом вернётся и позвонит маме. Ведь ей было что рассказать.

На улице было прохладно. Таня задумчиво шла по городу, разглядывая спешащих прохожих и вспоминая, как давно она не позволяла себе эту роскошь – просто бесцельно брести, давая себе разобраться, что же творится у неё в голове, что занимает её мысли и волнует её душу.

Таня подумала, что папа был прав, и свежий северный ветер действительно остудил её перегретую южным солнцем голову, и привёл в порядок сознание, помогая видеть глубже и не забывать спрашивать своё сердце при каждом решении.

Её сердце всегда было её самым верным союзником. Оно выбирало, с кем дружить, а кого опасаться. Почему же, встретив Лёшу, она заставила его замолчать? Когда она решила, что её избранник настолько идеален, что его поступки даже не обдумываются и не обсуждаются глубоко внутри? Почему она смирилась с решением быть с ним, как будто всё уже было предугадано и нельзя было ничего передумать?

Не потому ли, что другой пример всегда стоял перед её мысленным взором – другой мальчик, внимательный и верный, слушающий её и слышащий каждое слово. Но, видимо, нужно любить сильнее, чтобы иметь смелость не осуждать, всё терпеть и всё прощать.

Значит, её любовь была ненастоящей, и Таня так долго обманывалась, что стала бояться проснуться от этого сна? Или просто любовь со временем проходит? А прошла ли она у Славика? А была ли она вообще?

Ей опять казалось, что всё она придумала. Он просто очень хороший и внимательный друг, поэтому так легко представить, что он влюблён в неё. Да он и не может быть влюблён в неё – он же встречается с Машей!

И опять досада овладела Таней, оставляя неприятный горький привкус на языке. Не будет же она, в самом деле, стараться привлечь внимание Славика сейчас, когда у него есть девушка. Маша так подходит ему: такая же целеустремленная, современная. Они даже смотрятся вместе хорошо, как-то правильно – оба высокие, деловые, решительные. Именно

такая девушка Славику и нужна, а не мечтательница Таня. Он сделал свой выбор.

Очень странно, но Таня поняла, что за последние несколько дней совсем не вспоминала Лёшу, как будто бы и не было их отношений, сложных и напряжённых, когда каждый пытается убедить друг друга и себя в их целесообразности, в глубине души не до конца веря в это. Наверно, ей просто было жалко потраченных на эти отношения времени и сил, поэтому она до конца не могла поверить, что их дороги не ведут к одному совместному пути, а неумолимо расходятся, как ни старайся они держаться намеченной тропки.

Как ни странно, она испытала от этого невероятное облегчение, как будто долго несла непосильную ношу, и обрадовалась, узнав, что эта жертва ни к чему. Не надо больше стараться понять, чем грозят ей эти насупленные брови, эти напряжённо сжатые губы, и этот незнакомый взгляд, так пугавший её всегда.

Неуловимое чувство нарастало в её душе, как будто сердце, которому тесно стало в груди, ширилось и распушалось где-то прямо в центре её существа большим красным цветком, и от этого зор затуманивался, всё шло вокруг красными пятнами. И только одна мысль зарождалась в голове: "Может быть, я и опоздала и упустила своё счастье, но вот дано же мне это невероятное прозрение через столько лет! Для чего же оно мне дано? И какое это счастье, видеть его ещё несколько дней!".

Таня и сама испугалась и этого нового чувства, и этих мыслей. Она ещё только успела подумать, что это прозрение дано ей в наказание, из-за того, что она так долго не замечала Славика, поэтому оно к ней пришло именно тогда, когда он её уже забыл и обзавелся другой девушкой.

И тут она вышла к Неве... Небо ещё было свинцовым, и ветер гнал вдоль реки облака, но на другом берегу уже золотились крыши, и Таня вспомнила, что завтра Славик обещал пойти с ней покататься по Неве и каналам. И этот простор, и это плавное движение воды вдруг по-новому отозвались в ней.

Она честно спросит его, как он относится к ней. Они всегда могли сказать другу другу всё что угодно! "Выясняется, что это ты могла сказать ему всё, что угодно, а он долгие годы носил в себе мечту, которой не мог с тобой поделиться", – шепнул Тане внутренний голос, и она закусила губу от отчаяния.

Нет, не могла она сейчас вот так появиться посреди жизни этого человека и потребовать от него объяснений. Они уже не дети, у него своя жизнь, а у неё – своя. Не может она бросаться ему на шею, ведь он уже не один. Он долго ждал её, и она сама всё испортила, всё забыла, оставила его, а теперь явилась, и хочет, чтобы он ради неё менял свой привычный уклад.

Невесёлые мысли бродили в Таниной голове, и природа как будто вдруг отозвалась на её настроение, и мелкий, уны-

лый дождик начал моросить, оставляя на воде маленькие следы капель, расходящиеся в круги, которые тут же исчезали, их уносило очередной волной, и Таня медленно двинулась обратно по направлению к дому, который её приютил.

По дороге, уже шагая по Невскому к улице Марата, она увидела высокое торжественное здание армянской церкви, и, пройдя между домами, за которыми та пряталась, поднялась по ступеням в бело-голубую обитель и села на скамью подумать.

Тане всегда нравилось посещать храмы. Какой-то таинственной торжественностью веяло из их монументальной глубины. Она вспомнила церковь святого Петра в Яффо, куда приходила не раз, особенно когда там шли мессы на испанском. Таня ещё в Ташкенте начала учить этот красивый певучий язык.

Как непохожи были эти два сооружения. Армянская церковь в Питере выглядела просторной и основательной снаружи, и оказалась уютной и какой-то по-домашнему камерной внутри. Церковь же святого Петра, благодаря башенке, пристроенной сбоку, казалась летящей вверх и изящной, а на поверку сразу же за входными дверями, в глубину простирался роскошный зал со скамьями по обе стороны от центрального прохода.

Вернувшись к Мариным, Таня застала Валентину Васильевну за разгадыванием кроссворда. Повесив куртку высушить, Таня под села к тётке Вале на диван в зале. Какое-то

время они вспоминали вдвоём, как звали самую младшую сестру Скарлетт из "Унесённых ветром", а потом оставили кроссворд, зажгли уютную лампу с большим абажуром и сели вспоминать ташкентскую жизнь.

Осень – самое лучшее время для воспоминаний. Серым сентябрьским вечером, когда ещё далеко до радостей зимы, вспоминается недавно проведенное лето, нагретое солнцем и высушенное ветром. События весны ещё живы в памяти и сама природа, роняя с деревьев жёлтые листья, предлагает с ними проститься всем тем, кто видел, как они зеленели весной.

Но в этот раз, сидя на диване с уютно поджатыми под себя ногами, обе закутавшись в плед, две женщины – молодая и зрелая – обсуждали того, кто был им особенно дорог – друга и сына. И каждой казалось, что уж она-то знает о нём всё. Но коварно человеческое восприятие, ведь оно заставляет нас видеть мир в лучах нашего собственного прозрения. А не вовремя прозрел – и потерял нить, тянущуюся к реальности, пропустил суть событий!

Так и Тане, по-новому взглянувшей на свою, такую, казалось бы, понятную жизнь, всё теперь виделось в новом свете.

Они вспоминали, как Таня и Славик, маленькими, выступали в детсадовских постановках, и как Таня, озвучивавшая куклу-марионетку, которую держала в высоко вытянутой над ширмой руке, вдруг запуталась в этой самой кукле. И ей, пятилетней, на выручку пришла тётя Валя, сидевшая близко к

самой ширме и улыбающаяся этому детскому голосу, который уверенно произносил реплики своего персонажа.

Потом вспомнили, как Таня со Славиком, участвуя в местном выступлении "Что? Где? Когда?" вывели группу своего класса в финале победителями.

– Это, конечно, заслуга Славика, – сказала Таня, с восхищением вспоминая его великолепную реакцию, его живое воображение и смекалку, послужившие им поддержкой в той игре.

– Танечка, ты тоже молодец! Сколько вопросов по теме искусства ты тогда расщёлкала, как орешки! – отдала должное тётя Валя своей любимице.

Она всегда интересовалась их школьной жизнью и была в курсе всех новостей.

Наконец, был задан главный вопрос, который волновал их обеих с того времени. Валентина Васильевна, внимательно глядя на Таню спросила:

– Таня, вы со Славиком были так дружны всегда, так что же заставило тебя пересесть от него тогда?

Таня замерла, хотя ждала этого вопроса. Ведь она и сама думала над ним в последнее время.

– Тётя Валя, понимаете, я тогда думала, что мне очень нравился Артём.

– Артём? Да, я помню его, он был очень сообразительный и симпатичный мальчик.

– Да, он сейчас живет в Москве, работает экономистом в

какой-то фирме.

– И вы продолжаете общаться?

– Нет, я как-то писала ему, но он ответил один раз, а больше не возобновлял общение. Кажется, он скоро женится.

О скорой женитьбе Артёма сообщал его статус в Фейсбуке. Таня правда пока ещё не знала, кто станет его избранницей. Она давно не следила за событиями в сети, просто видела, что значки с оттопыренным большим пальцем сыпались, как грибы из лукошка, в ленте друзей на новый статус Артёма, пока переписывалась со Славиком перед поездкой. Таня вспомнила об этом сейчас совершенно случайно. Потом вернулась мыслями в настоящий момент.

Тётя Валя задумчиво посмотрела на Таню, и та вдруг быстро опустила глаза и отвернулась. Глядя в сторону, на их тени, начинающие появляться на белой стене, она сказала тихо:

– Понимаете, я всегда думала, что мы со Славиком друг другу не подходим.

И нахмурилась.

Тётя Валя помолчала минуту, а потом снова взглянула на Таню и спросила так же тихо:

– А что ты думаешь сейчас?

Целая буря чувств, дремавшая все эти дни после странных происшествий, начиная с внезапного появления Маши и заканчивая её собственными размышлениями сегодня, поднялась и смешалась с новой волной отчаяния.

– А сейчас я думаю иначе, – успела сказать Таня.

Тут раздался звук поворачиваемого в замке ключа, входная дверь открылась, и Александр Михайлович, с зонтиком в руке возник на пороге.

– Опять дождь моросит! А обещали бабье лето! – сказал он весело, вглядываясь в их серьёзные лица. – А чего вы тут скучаете?

– Да мы не скучаем, мы Ташкент вспоминаем, Саша, – как будто встряхнувшись, сказала тётя Валя, встала и пошла поцеловать его в щёку.

И дядя Саша, заметив, что явился неожиданным посреди разговора, махнул рукой:

– А, так вспоминайте! Я не буду вам мешать. Сейчас вот чаю горячего сделаю и пойду играть в шахматы.

Он играл в шахматы с другом в интернете.

– Да нет, скоро Славик вернётся, ужинать будем, – ответила тётя Валя.

На этом разговор был окончен, но обе они почувствовали, что какая-то недосказанность повисла в воздухе.

Таня пошла переодеться в комнату Славика. Уже оттуда она услышала, как он тоже вернулся домой.

Они сели ужинать и весело болтали, как раздался звонок в дверь. Почему-то Таня подумала, что это должна быть Маша. А ещё у неё в голове пронеслось, что зря она придумала всю эту историю про себя и Славика, ведь она невольно задела Машины чувства. Должно быть, Маша ревнует, а это

уже нехорошо. Не за тем Таня приехала сюда, чтобы ссорить кого-то или претендовать на отношения, которых нет.

Таня оказалась права. Маша в шикарном коротком бархатном платье зашла, блестя помадой и крупным белым жемчугом попеременно с золотыми цепочками.

Она приглашала их со Славиком на интерактивную выставку Айвазовского в «Этажах», и Таня сначала хотела сказать, что не пойдет, она не хотела им мешать. С её приездом, она заметила, Славик не выходил никуда с Машей вдвоём, и вряд ли Маша была за это Тане благодарна. Но что-то было в глазах и интонации Славика, когда он уговаривал её пойти, что изменило её решение.

И они пошли втроём. Ах, как это было здорово – снова очутиться с ним в красивой галерее да ещё рядом с полотнами Айвазовского! Были мгновения, как это, когда она ничего не видела вокруг, что напомнило ей время, когда они вместе ходили куда-нибудь давно, ещё в Ташкенте. Они обсуждали картины, и Славик снова наклонялся к ней, если рядом было шумно, и она видела очень близко его тёмные серьёзные глаза. Ах, почему она тогда не влюбилась в него, когда нравилась ему, если, конечно, он и правда был в неё влюблён... В такие моменты она снова начинала верить, что всё так и было на самом деле, как они с Лизой тогда подумали.

Лиза, обязательно нужно ей позвонить! И Жене! Может, она сможет к ней приехать, и тогда они смогут встретиться, ведь они так долго не виделись! И маме она хотела позвонить

сегодня.

Волшебство внезапно закончилось, когда Маша позвала их познакомиться с невысоким абсолютно лысым человеком лет сорока. Он выглядел очень эффектно в светло-сером костюме и чёрной рубашке и улыбнулся, когда взглянул на них и узнал Машу.

– Знакомьтесь, это – Николай Алексеевич Микрюков, мой новый знакомый, а это Вячеслав Александрович Марин, мой жених, – громко сказала Маша и повернула голову в Танину сторону.

Слабая улыбка промелькнула на Машином лице.

И в эту минуту весь мир перевернулся для Тани. "Жених! Вот оно что!" – подумалось ей. И ещё, «как странно называть такого ещё не старого человека по имени-отчеству».

Маша со Славиком куда-то сразу же отошли. Таня растерянно проследила за ними взглядом.

Она не расслышала, о чём спросил её новый знакомый, кажется, поинтересовался, имеет ли она отношение к искусству. Тогда он прищурился и шагнул ближе к ней, повторяя свой вопрос. Таня была как в тумане. Она ответила, что да, обучалась живописи ещё в детстве, а позже посещала курсы при Еврейском университете в Иерусалиме. Они поговорили ещё какое-то время о выставке. Он даже вежливо спросил, рисует ли Таня до сих пор. Та отвечала автоматически что да, иногда рисует для себя или друзей. Всё время разговора Микрюков смотрел Тане прямо в глаза. Мысли её были сей-

час далеко. Она беспомощно взглянула на своего собеседника, боясь, что выражение её лица выдаст её смятение. Как бы повинувшись этому быстрому взгляду, он нагнулся ещё ближе к ней. Тане показалось, будто он хотел сделать какой-то жест, может, взять её за руку, но вместо этого он протянул ей свою визитную карточку и попросил Танину. На что ей пришлось признаться, что таковой у неё нет. Тогда Микрюков просто записал её номер телефона в свой.

– Татьяна Владимировна? – переспросил Микрюков её имя.

– Вы можете звать меня просто Таня. Так будет удобнее.

Возможно, они ещё продолжили бы разговор, так как Николай Алексеевич в свою очередь тоже собирался рассказать, чем он занимается. Но в эту минуту вернулась Маша, и они отошли обсуждать какие-то дела.

С Машей вернулся Славик. Таня не могла на него смотреть, хотя даже самой себе не могла бы объяснить почему. В конце концов, он ей ничего не обещал, у него есть невеста, а Таня была для него первой школьной любовью, которая окончилась вместе с её отъездом из родного города.

Потом она всё-таки посмотрела на него. Кажется, Славiku тоже было неудобно, что она узнала их тайну.

– Таня, я давно должен был тебе все объяснить, – серьёзно глядя ей прямо в глаза, сказал Славик.

Но это было уж слишком, и Таня твердо, насколько могла, успокоила его, сказав, что он не обязан давать ей никаких

объяснений.

Остальное она уже плохо помнила. Они не задержались долго в галерее. Придя домой, Таня сразу же пошла в душ и спать. Но она не спала. В голове прокручивались события сегодняшнего вечера. Слёзы текли из глаз на подушку от разочарования и обиды на саму себя. Поскорее бы уснуть! И Тане пришлось самой себя уверять, что это очень глупо, так переживать. Завтра будет новый день. Славик обещал взять её кататься по реке и каналам. Они всё равно останутся хорошими друзьями. Она должна быть рада за него, что он нашёл свое счастье, ведь она была так невнимательна к нему, когда он был в неё влюблён.

Но сон не шёл, захотелось пить. Таня так поторопилась скрыться за дверь спальни Славика, что не взяла с собой стакан воды, как раньше всегда делала. Она решила сходить на кухню.

Открыв тихонько дверь, она бесшумно проскользнула мимо спящего на диване в зале Славика. Её планом было зайти на кухню и только потом включить свет, чтобы не разбудить его. Но по дороге послышался шорох с дивана, и Славик шёпотом окликнул её.

Паника охватила её, когда он собрался идти на кухню вместе с ней. О, Боже! Появиться перед ним в пижаме и с заплаканными глазами! Нет, только не это! Но не пойти уже было невозможно. Славик вылез из-под одеяла, и она была вынуждена пойти за ним.

Он включил свет. Таня не поднимала глаз, хотя это было глупо, потому что он сразу догадался, что она плакала. Он снова попытался с ней заговорить, извиниться и объяснить-ся. Но Таня не дала ему этого сделать. Ей и так было неудобно за своё отчаяние. Именно оно заставило её выдать свои чувства. А Славик ничем не обязан ей. Это она должна извиняться перед ним и Машей. К счастью, этот разговор удалось скоро прекратить, и они снова разошлись, договорившись завтра о прогулке.

Вернувшись, Таня быстро легла и уснула. Наверно, сказала-сь усталость, вызванная напряжением этого дня, когда от отчаянной надежды на взаимность она ухнула куда-то вниз в такое же отчаянное разочарование. Неужели, она не видела, как эти двое любят друг друга? Ведь они так друг другу подходят! Завтра всё будет по-другому, пора примириться с реальностью и перестать ожидать от людей того, что они будут проживать её мечты.

Славик

В обед он позвонил домой с работы. Трубку телефона взяла мама и попросила купить хлеба на обратном пути.

Ближе к концу рабочего дня позвонила Маша. Она ворковала про новую выставку в "Этажах". Приглашала его, а в конце добавила, что и Таню можно позвать с собой.

Славик усмехнулся. После посещения музея Фаберже вместе с Таней, он не мог себе представить, как пойдет с ними обеими в "Этажи".

Он потёр рукой лоб. Весь день между обсуждениями завершающегося проекта и послеобеденным кофе с коллегами он вскользь думал о Маше, о том, что ему придётся с ней поговорить и объяснить ей то, что становится неизбежным. И дело даже не в Тане, вернее, не только в ней. Дело в том, что Славик всё яснее видел, кто он рядом с Таней и кто он, когда Маша вытаскивает его на вечеринки своих друзей.

За последние два дня он лучше понял самого себя, заново переоценил свою жизнь и людей в этой жизни.

Маша была как интересная обложка в новой книге, которую он с упоением читал. Он только переехал в Питер, когда познакомился с ней. Всё манило его и казалось интересным. Учёба, работа, сам город с захватывающей историей, старинной, красотой. Маша как будто проезжала мимо и позвала его прокатиться по этим улочкам вместе с нею. Но недавно

он понял, что предпочитает пешие прогулки.

Он молча слушал её звеневший в трубке голос, ловя в нем несвойственные ей нотки неуверенности и сомнения. Наконец, она спросила:

– Ты меня слушаешь?

– Да, конечно.

– Так как? Выйдем сегодня в свет?

При этой фразе ему вспомнилась её привычка торопиться перед выходом, куда бы они ни шли. Так как Маша была порывистой, творческой натурой, то она ни одно дело не могла закончить спокойно, особенно когда сознание собственной неотразимости и значимости охватывало её при мысли о том, кто же будет на вечере, куда они идут.

– Понимаешь, – говорила она, – мне, как начинающей владелице своего собственного бизнеса, очень важно внимание в современном обществе. Ведь я вложила в это дело весь свой капитал!

– Я думал, что деньги на открытие этого бизнеса тебе дали родители, – припомнил Славик как-то раз после очередной Машиной тирады.

– Это не важно! Они только помогли мне поначалу. Послушай же, с кем я тебя сегодня познакомлю!

То на званном вечере оказывался лектор её института, и Маше нужно было произвести выгодное впечатление, чтобы добиться от лектора приглашения на какое-то дизайнерское мероприятие "для своих". То она узнавала от хозяев

сборища, что в гостях будет какой-то руководитель стартапа, открывающего офис на Невском, и Маше обязательно нужно было разрекламировать свои услуги так, чтобы богатый потенциальный клиент даже не вздумал обратиться куда-то ещё.

В общем, её сборы всегда сопровождалась громкими объяснениями истинной цели их визита.

– Все эти банкеты – для отвода глаз! Нужен лишь повод, чтобы свести вместе полезных друг другу людей.

– Я думал, что тебе действительно нравится современная фотография.

– Конечно нравится! Как она мне может не нравиться, если следующую выставку этого фотографа я хотела бы обустроить сама! Он становится очень популярным.

Поначалу Славика не тревожили эти диалоги. Он даже гордился тем, что она такая современная, умная, знающая, к чему стремится. Но постепенно это стало напрягать, так как вместо того, чтобы спокойно общаться с людьми, с которыми она его знакомила, он должен был играть роль некоего партнёра для подачи нужных реплик в погоне за желаемым впечатлением.

– Послушай, когда я сегодня представлю тебя Маргарите Ройтман, ты обязательно должен упомянуть о том, что я занята весь месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.